

На правах рукописи

Кошовец Ольга Борисовна

**ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ПАРАДИГМЫ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ,
ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ
АСПЕКТЫ**

08.00.01 – Экономическая теория

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора экономических наук

Москва 2022

Работа выполнена в Центре методологических и историко-экономических исследований Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института экономики Российской академии наук.

Научный консультант: доктор экономических наук, профессор,
член-корреспондент РАН
Автономов Владимир Сергеевич

Официальные оппоненты: **Балацкий Евгений Всеволодович**
доктор экономических наук, профессор,
ФГБУН «Центральный
экономико-математический
институт Российской академии наук»,
главный научный сотрудник
Отделения теоретической экономики
и математических исследований

Тутов Леонид Арнольдович
доктор философских наук, профессор, МГУ
им. М.В.Ломоносова, завкафедрой философии и
методологии экономики Экономического факультета

Шиповалова Лада Владимировна доктор
философских наук, профессор, ФГБОУ ВО «Санкт-
Петербургский государственный университет»,
завкафедрой философии науки и техники.

Ведущая организация: **Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Южный федеральный университет»**

Защита состоится « _____ » _____ 2022 г. в _____ часов на заседании
диссертационного совета Д 002.009.04 на базе ФГБУН Института экономики РАН по
адресу: 117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, д. 32.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБУН Института экономики
РАН по адресу: 117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, д. 32, а также на
официальном сайте ФГБУН Института экономики РАН:
https://inecon.org/docs/2022/Koshovets_dissertation.pdf

Автореферат разослан « _____ » _____ 2022 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета Д 002.009.04,
кандидат экономических наук, доцент

Доржиева Валентина Васильевна

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования.

Тема чрезвычайной абстрактности (в гетеродоксальном и критическом дискурсе – нереалистичности) моделей экономической теории, их чрезмерной упрощенности и оторванности от экономической действительности является ключевым вопросом методологии экономики не одно десятилетие. Основная вина за такое положение дел возлагается на математическую изоционность и чрезвычайную формализованность экономической теории, - это результат того, что вследствие маржиналистской революции в начале XX в. экономическая теория, сменив название с политической экономии на *economics*, пошла в своем развитии по пути превращения в "чистую", дедуктивную науку естественнонаучного типа.

В литературе эта проблема рассматривается с разных сторон с учетом исторических, эпистемологических, дисциплинарных и институциональных аспектов, исходя из разных позиций и подходов (методологических, мейнстримных, позитивистских, социологических, гетеродоксальных). Однако, в конечном счете, обсуждение вопроса о чрезмерной абстрактности (нереалистичности) и упрощенности экономической теории (моделей) упирается в две основополагающих проблемы: онтологическую (что описывает, объясняет экономическая теория, где существует ее объект и т.п.) и институциональную (каков статус экономической теории, какова ее практическая польза для общества, почему экономисты излишне уверены в своих теоретических утверждениях). Методологическая рефлексия по этим двум основополагающим проблемам неоднородная. С одной стороны, широко признаются отказ дисциплины от больших теорий, а затем и вовсе отказ от любых теоретических построений в рамках т.н. "эмпирического поворота" и в связи с попытками переопределения предмета экономики как "ящика с инструментами" для решения любых социальных проблем. Также отмечают высокая фрагментированность знания и частое противоречие моделей друг другу или эмпирических построений теоретическим конструкциям, что является прямым следствием проблем с онтологией.

С другой стороны, во многом позитивистски и неопозитивистски ориентированная методология экономической науки, как и часть современных методологических подходов (включая плюрализм и риторический подход) пытаются уйти от проблемы онтологии, переводя ключевой вопрос о реалистичности моделей в эпистемологическую и/или прагматическую плоскость и, в частности, сводя ее к обсуждению того, что делает модели полезными, убедительными, какие они в действительности выполняют познавательные функции, объясняют ли ложные модели, и как они объясняют. Такой подход имплицитно предполагает, что проблемы с онтологией нет, она каким-то образом уже решена в мейнстриме экономической теории. Но остается вопрос, где и как? В действительности ли это лишь вопрос терпеливого диалога представителей различных подходов, как это декларируется в рамках плюрализма? Между тем, на этом фоне тема онтологии становится центральной для т.н. гетеродоксальных подходов, в особенности в методологии науки (Т. Лоусон), а с другой стороны, переходит в обсуждение идеологии, стоящей за стандартной экономической теорией (С.М. Амадэ, Ф. Миrowsки), или даже в обсуждении ее как своеобразной разновидности теологии (Д. Фоули, В. Ефимов).

Дискуссия по этому кругу проблем резко обострилась на фоне мирового финансового кризиса 2008-2009 гг., когда вышло множество научных работ и публицистических статей, посвященных ограничениям экономической теории, ее объяснительным и предсказательным провалам вплоть до того, что Нобелевский лауреат П. Кругман поставил провокативный вопрос о том, является ли столь формализованная и оторванная от реальности экономическая дисциплина, наукой.¹ При этом многие

¹ Krugman P. (2009). How Did Economists Get It So Wrong? // New York Times Magazine, September 2.

экономисты в качестве причины прямо или косвенно указали на онтологические проблемы. Так, Т. Лоусон² считает, что проблема экономического моделирования заключается в предположении о несущественности тех факторов, которые на самом деле являются решающими, а Дж. Ходжсон³ и Б. ДеЛонг⁴ видят причину в отрыве моделей от исторического и культурного контекста. А. Лейонхуфвуд отмечает, что в рамках дисциплины сформировалось два лагеря: те, кто не видит фундаментальных проблем в использовании нереалистичных предположений, и те, кто настаивает на построении более реалистичных моделей.⁵ Вместе с тем, важно и то, что часть экономистов указала на институциональную подоплеку, назвав главной причиной оторванности экономистов от реальности их неоправданную уверенность в своих идеях и моделях (Д. Коландер⁶, М. Десаи⁷, Б. Ритхольц⁸, Д. Родрик⁹). Однако при этом мало кто задался исследованием причин такой уверенности, и того, что ее поддерживает. Между тем, это ставит вопрос о том, как реально существует и развивается экономическое знание в социокультурном и особенно институциональном контексте, однородно ли экономическое знание с историко-эпистемологической точки зрения? Что в действительности определяет стандарты производства экономического знания и "научный этос", стоящий за ним? Иначе говоря, как соотносятся экономическое знание как научная дисциплина и как профессия? Взаимодействие с какими институтами общества и социальными сферами оказывают решающую роль на развитие дисциплины, и к чему ведет такое взаимодействие?

Шире ответы на эти вопросы подразумевают исследование того, как производится и воспроизводится экономическое знание. Какова в этом роль академической сферы, а какова роль других социальных сфер – таких как государство, бизнес (где востребованы и экономисты, и экономическое знание) и масс-медиа, которые берут на себя роль ретранслятора знания и формируют наши повседневные представления об экономике, экономической политике, а также во многом определяют сам наш способ мыслить "экономическое".

Несмотря на то, что кризис 2008 – 2009 гг. обострил полемику до предела и породил немало усилий по реформированию экономического образования, а также движение за плюрализм в экономике (который усилил имевшуюся тенденцию на гетерогенизацию мейнстрима), спустя более чем 10 лет можно видеть, что ситуация мало изменилась и фактически осталась прежней. Вместе с тем, в саморефлексии экономистов произошел примечательный сдвиг - они перешли к утверждению своей дисциплины не как науки об экономике, а как искусства моделирования (Э. Лимер, Д. Родрик), нацеленного на создание универсального научного инструментария для решения любых социальных проблем. Аналогичную позицию занял целый ряд методологов, подчеркивая, что цель моделей не только иллюстрировать, но и производить знания (К. Гувер¹⁰, Г. Кинкейд¹¹) и что будущее экономической науки в развитии еще более сложной

² Lawson T. (2009). The Current Economic Crisis: its Nature and the Course of Academic Economics // Cambridge Journal of Economics 33, 4, pp. 759-777.

³ Hodgson G. (2011). Sickonomics: Diagnoses and Remedies // Review of Social Economy 69, 3, pp. 357-376.

⁴ DeLong B. (2011). Economics in Crisis // Project Syndicate, April, 29.

⁵ Leijonhufvud A. (2009). Out of the Corridor: Keynes and the Crisis // Cambridge Journal of Economics 33, 4, pp. 741- 757.

⁶ Colander D. (2011). How Economists Got It Wrong: A Nuanced Account // Critical Review 23, 1-2, pp. 1-27.

⁷ Desai M. (2016). Hubris: Why Economists Failed to Predict the Crisis and How to Avoid the Next. - Yale University Press.

⁸ Ritholtz B. (2009). The Hubris of Economics / <http://www.ritholtz.com/blog/2009/11/the-hubris-of-economics/>

⁹ Rodrik D. (2011). The Globalization Paradox. Why Global Markets, States, and Democracy Can't Coexist. - Oxford University Press.

¹⁰ Hoover K. (2012). Pragmatism, Perspectival Realism, and Econometrics. // Economics for Real: Uskali Mäki and the Place of Truth in Economics. - Routledge, pp. 223-240.

¹¹ Kincaid H. (2012). Some Issues Concerning the Nature of Economic Explanation // Philosophy of Economics. - North-Holland, pp. 137-158.

математики (Коландер¹²). В итоге можно сделать (полюемически заостренный) вывод о том, что большинство экономистов (за редким исключением, например Ар. Рубинштейна) не желают и, что важнее, по факту могут не задаваться вопросом, полезны ли их модели и теории обществу, а просто продолжать производство знания и соответствующего ему типа экономического мышления. Но тогда возникает вопрос, кому в действительности оно адресовано, кто получает от него пользу? Ответ на этот вопрос необходимо искать не в самом экономическом знании, а в анализе того, как оно функционирует в действительности как социальный институт.

Реакция сообщества экономистов на масштабную критику на фоне кризиса 2008-2009 гг. ставит еще один интересный вопрос, почему так произошло, в чем устойчивость экономической теории как дисциплины, почему она не может отказаться от математики до такой степени, что готова отказаться от статуса науки об экономике и стать универсальным "ящиком с инструментами"? Наконец, почему она может и дальше по факту игнорировать проблему онтологии? Как тогда все-таки быть с проблемой реалистичности моделей, - ведь если мы применяем какой-то формальный инструментарий для объяснения или решения некоторых социальных или экономических проблем мы должны осуществить привязку модели к ним, причем не только в интерпретации, но и в ключевых параметрах модели, описывающих то, что она моделирует. Это значит, что принимая идею Д. Родрика о том, что модели являются библиотекой кейсов для самых разных частных случаев¹³, мы должны имплицитно согласиться и с тем, что в них уже содержится какая-то универсальная общая онтологическая схема, позволяющая настаивать на возможности их применения в практическом плане. Иначе говоря, за моделями стоят какие-то устойчивые дискурсы или метанарративы. Это, в свою очередь, отсылает нас и к другому вопросу, что в действительности делает созданные экономистами модели столь универсальными (а заодно понять, почему экономисты не могут или не хотят отказаться от притязаний на универсальность). Что позволяет частные по своей сути (в виду локальности и фрагментарности) модели применять не только для совершенно различных экономик и хозяйственных систем, но и в отношении множества других социальных проблем, не являющихся экономическими? Иначе говоря, на чем в эпистемологическом и методологическом плане держится пресловутый "экономический империализм"?

Мы полагаем, что "инструменталистский" крен дисциплины, теоретическое оскудение, на которое обращают внимание многие исследователи, а также новый дискурс об экономической теории как о науке моделирования не снимает проблему онтологии, - причем это касается и онтологии стоящей за конкретными моделями, и в целом онтологий, описывающих экономическую реальность (а значит, обеспечивающих наше понимание экономической действительности и определяющих то, как мы мыслим "экономическое"). Если системное представление о реальных экономических процессах больше не является предметом экономической науки, то возникает вопрос - где тогда формируются такие знания, и какова в этом роль других социальных сфер и, в частности, такой фигуры как эксперт? Как формируемые за пределами научного поля знания интегрируются в экономическую науку и определяют интересы ученых в академической среде?

Данное диссертационное исследование является попыткой систематически и с методологической точки зрения поставить все эти многочисленные вопросы, а также подступиться к ответам на них. Это позволит определить формирование и эволюцию современной парадигмы экономического знания, сложившиеся базовые механизмы его развития и воспроизводства и, исходя из этого, обозначить его дальнейшие перспективы. Таким образом, актуальность темы исследования определяется тем, что дискурс о кризисном состоянии экономической науки и засилье формализма, а также проблемы

¹² Colander D. Op.cit., p.19.

¹³ Rodrik D. (2015). Op.cit., p. 81.

реалистичности моделей и онтологии экономической теории требует прояснения не только в эпистемологическом и историко-экономическом, но и в институциональном и социокультурном контексте, что *подразумевает использование новой методологической перспективы.*

Степень разработанности темы исследования.

Тема реалистичности моделей стандартной экономической теории и онтологий, стоящих за ними, а также методологическая рефлексия и критика по этой теме представлена весьма обширной литературой, как на иностранных, так и на русском языке. Всю ее условно можно разделить на размышления самих экономистов (например, Р. Лукас, Д. Родрик, А. Рубинштейн, Р. Сагден, П. Самуэльсон, М. Фридман), многочисленные исследования историков и рефлексии со стороны философов и методологов (М. Блауг, К.Д. Гувер, У. Мяки, Д. Хаусман, Д.У. Хэндз). Следует отметить, что большинство работ самих экономистов, части историков и значительной части методологов в той или иной степени опирается на нормативные (часто позитивистские и неопозитивистские) представления о методологии и истории науки и не пытается исследовать реальные практики производства экономического знания. Вместе с тем, критика со стороны историков часто сопровождается обсуждением вопроса об идеологии, подменяющей онтологию (Р. Нельсон, У. Сэмюэлс, Д. Фоули, К.Ф. Фридман, Р.Л. Хайлбронер), а также сложившейся системы обучения экономической теории, которая видится ключевой причиной воспроизводства формализма и модельного подхода, а также отсутствия у будущих экономистов представлений о реальной экономике. Эта тема обсуждалась во многих работах, особенно на фоне кризиса 2008-2009 гг., среди прочих нужно упомянуть труды Дж. Кэя, Д. Коландера, Дж. Ходжсона, Э. Фулбрука.

Среди методологов следует особо выделить целый спектр работ, посвященных исследованию того, чем является по своим эпистемологическим свойствам модель (М.Дж. Боуманс, Л. Боланд, Н. Картрайт, М. Морган и М. Моррисон, У. Мяки, Л. Хардт) и модельная симуляция (Т. Грюне-Янофф, Ф. Гуала), какую функцию они выполняют в экономическом знании и каковы ее отношения с реальностью. В работах Д. Хендри и К.Д. Гувера, а также других авторов поднимается вопрос – помогает ли эконометрический анализ связать теоретические модели с эмпирическими данными (реальностью). Обсуждение моделей в этих работах, так или иначе, игнорирует проблему онтологии, концентрируясь на вопросах о том, чем является сама модель, и как она работает. В свою очередь, попытки У. Мяки поднять в этом контексте проблему реализма замыкаются в реконструкции неявных философских позиций экономистов и соответствующих предпосылок их моделей.

Вместе с тем, в рамках исторических и методологических исследований имеется целый пласт т.н. гетородоксальной рефлексии и критики стандартной экономической теории с позиций онтологии. Среди наиболее известных - работы Т. Лоусона, однако его нормативная по своей сути критика весьма уязвима, а интерпретация онтологии мейнстрима - спорная, прежде всего, потому что он не пытается понять реальные механизмы воспроизводства экономического знания. Таких разных исследователей, как Т. Лоусон, У. Мяки и Ж. Сапир, последовательно поднимающих проблему реализма в экономической теории, по сути, объединяет нормативный подход, а именно речь идет не столько о контакте с реальностью (и ее репрезентации в знании), а о тех или иных правилах исследовательской процедуры, обеспечивающих научность исследовательской деятельности.

Кроме того, проблема онтологии в методологическом ключе прямо или косвенно поднимается в целом ряде работ, посвященных необходимости привлечения фундаментальной социальной теории (как источника новейших знаний об обществе) в экономическую науку и в междисциплинарные исследования в рамках экономической

социологии (той ее ветви, которая занимается социологией знания). В частности, следует отметить коллективные монографии под редакцией Р. Бэкхауса и Ф. Фонтейна, С. Ионнидиса и К. Нильсена, а также работы Ф. Штайнера и Й. Мейссе. Социологическая перспектива, в частности, позволяет рассматривать вопрос об устойчивости дисциплины к критике, причинах сильного крена в "инструментализм" и особой ценности для экономистов формального и математического анализа с учетом социально-исторического и культурологического контекста формирования и развития экономической профессии, национальных особенностей институционализации экономики (Б. Коутс, Дж. Малони, М. Фуркад).

Кроме того, в рамках подобных исследований в методологии и истории экономической науки наметился поворот от нормативного подхода к социальному конструктивизму, предполагающему сдвиг внимания исследователей в сторону того, как производится знание, как оно функционирует в обществе, будучи, прежде всего, социальным и культурным институтом (Д. Бреслау, Э.Р. Вайнтрауб, Дж.Р. Вибл, Ю. Йонэ, Ф. Миrowsки, Э.М. Сент, Т. Эггертссон). В рамках такого рода исследований наиболее интересным направлением в контексте проблемы онтологии и реалистичности экономических моделей являются работы, поднимающие вопрос о перформативности и социальном проектировании (т.е. как экономическое знание конструирует экономическую реальность). Эти исследования (А. Дезрозьера, Ф. Лебарона, Р. Лисона, Д. Маккензи, Ф. Муньеса, Й. Мейссе, а также социолога науки М. Каллона) позволили полностью поменять фокус рассмотрения и поставить вопрос об онтологии в совершенно иной плоскости, нежели это предполагает классическая позитивистская методология, - а именно от вопроса, что теория говорит о реальном мире перейти к вопросу о том, что сама экономическая теория обладает реальным воздействием.

Кроме того, существенное значение для проблемы онтологии экономических теорий и реалистичности моделей имеют работы по анализу языка, дискурсивных и риторических стратегий неоклассической теории и экономического знания в целом (А. Кламмер, Д. Макклоски, а также Д. Джордж, У. Милберг, У. Сэмюелс). В их задачи, в том числе входило показать, какие риторические приемы применяются для построения тех или иных моделей, какие при этом используются метафоры. Следует отметить, что работы в данном направлении существенно расходятся по своим целям: это может быть разновидность критического анализа конкретных моделей, анализ дискурсивных практик в социокультурном контексте и анализ коммуникативных стратегий внутри сообщества. У. Милберг и Ф. Миrowsки, в частности, показывают, что через используемый язык и языковые средства экономисты неявно онтологизируют ими же сконструированные абстрактные категории, а также транслируют определенные идеологические нарративы (взгляды). Д. Макклоски демонстрирует, что главное в экономическом знании – убедить оппонента, выиграть риторический спор, а не отыскать незыблемую истину, что подразумевает отказ от претензий на постижение истины (и реализм). Наиболее интересными и продуктивными в методологическом плане оказались исследования экономического знания как множества неоднородных и социально сконструированных дискурсов. Особенно следует выделить ряд работ (Дж. Фицджеральд и Б. О'Рурк, Ф. Лебарон, Й. Мейссе, Л. Сибрук, а также исследования Дж. Эрла, К. Морана и З. Уорд-Перкинса), показывающих, что экономические эксперты и экспертные функции выступают в роли дискурсивных авторитетов, оказывающих легитимирующее воздействие на политико-экономические решения и конкретные интерпретации мира (реальности).

При анализе дискурса математизации и основных этапов и причин формализации экономической науки, включая исторические, дисциплинарные и институциональные аспекты мы используем работы Э.Р. Вайнтрауба, Ф. Миrowsки, М. Фуркад, а также исследования М. Блауга, Д. Бреслау и Р. Леонарда. Существует огромный массив литературы, посвященной теме отношений экономического знания и государства, в том

числе истории статистики в различных национальных контекстах, среди них следует особо отметить классические работы П. Вагнера, Р. Дитриха и Т. Скочпол, М. Фернер и Б. Саппла, М. Фуко, а также исследования А. Бернштейна, М. Блита, А. Дезрозьера, Ф. Денора, Д. Линденфельда, К. Трайба и П.А. Холла. В наиболее интересующем нас контексте - развитие количественных практик и квантификации как социальной технологии и ключевого элемента дискурса объективности, а также их роли в экономическом знании в рамках науки и государственного управления, - мы опираемся на работы Э. Бриана, К. Менара, П. Миллера, Т. Портера и Ф. Этнера.

В российской литературе в целом ощущается недостаток методологических исследований, что отчасти связано с сильной дисциплинарной неоднородностью методологии экономической науки в целом и институциональной аморфностью этого направления в российской академической науке. Причиной тому во многом служит сильная прикладная ориентированность современной российской экономической науки и, как следствие, ее зависимость от теоретических разработок и стандартов мировых научных центров производства экономического знания. Несмотря на это, среди российских ученых, исследовавших в той или иной степени вышеописанный круг проблем, в частности, онтологию, онтологические и методологические предпосылки тех или иных моделей, внутренние и внешние факторы развития экономической теории, механизмы ее воспроизводства, а также математизацию и формализацию экономического знания необходимо особо отметить работы В. Автономова, О. Ананьина, Е. Балацкого, В. Вольчика, Л. Гребнева, В. Ефимова, Р. Капелюшников, Н. Макашевой, Р. Нурева, В. Рязанова, В. Тамбовцева, Л. Тутова, И. Филатова, Д. Фролова, И. Фролова, а также многих других. Темы кризисного состояния экономической науки из-за засилья формализма и "мелкотемья", а также влияния финансово-экономического кризиса 2008-2009 гг. на экономическую теорию, в том числе в методологическом разрезе обсуждались во множестве статей и, в частности, следует отметить коллективную монографию под редакцией А. Заостровцева, выпущенную в 2018 г. Леонтьевским центром (Заостровцев 2018), а также работы В. Полтеровича и А. Худокормова. Институциональный и социокультурный контекст развития экономической науки, а также анализ дискурсов, социально-проективный и перформативный эффект экономического знания исследовались в работах И. Болдырева, В. Ефимова, О. Кирчик, А. Либмана, П. Ореховского, П. Отмахова, В. Радаева, Д. Раскова, Н. Шматко, Г. Юдина.

Целью диссертационной работы является новое решение проблемы методологического анализа развития и функционирования экономической науки. Предполагается исследовать эволюцию современной парадигмы экономического знания, исходя из новой методологической перспективы, которая учитывает, прежде всего, сложившиеся режимы и практики производства экономического знания, а также предполагает особое внимание к онтологии и влияющим на нее институциональным и социокультурным аспектам. Новая методологическая перспектива позволяет по-новому поставить проблему онтологии, сдвинув угол рассмотрения от вопроса о реалистичности / нереалистичности экономико-математических моделей и стоящих за ними предпосылок к вопросу о том, как функционирует экономическое знание в социальной реальности, и что оказывает существенное влияние на развитие его эпистемической культуры. Это позволит существенно дополнить сложившееся в постпозитивистской методологии науки представления об экономической науке как виде познавательной деятельности и процессах, определяющих ее развитие.

Задачи исследования:

- 1) Проанализировать ключевую онтологическую проблему экономической науки – чрезмерную абстрактность (нереалистичность) экономических моделей и засилье формализма с эпистемологической и институциональной точки зрения,

рассмотреть сложившиеся дискурсы кризиса и прогресса экономической науки, а также систему обучения экономике как один из важных факторов воспроизводства формализма и модельного подхода.

- 2) Проанализировать существующие методологические подходы к проблеме засилья формализма и чрезмерной абстрактности (нереалистичности) моделей, включая гетеродоксальную критику, а также показать, к каким последствиям и сдвигам в позиционировании дисциплины привела беспрецедентная критика экономической теории на фоне финансово-экономического кризиса 2007-2009 гг.
- 3) Разобрать основные методологические подходы к изучению проблем онтологии экономической науки, выделить и проанализировать основные дискурсивные стратегии решения онтологической проблемы: развитие интерпретативного контекста, замена механистических онтологий, заимствование онтологии из других дисциплин, методологическое оправдание моделей через уподобление их экспериментам.
- 4) Проанализировать дискурс математизации и основные причины формализации экономической науки: исторические, дисциплинарные и институциональные, при этом сфокусировав внимание на формировании формальной онтологии и "инструменталистском крене" в развитии дисциплины (превращение в "ящик с инструментами") во внутринаучном и общенаучном контексте.
- 5) Проследить основные этапы ("реперные точки") математизации экономической науки (маржиналистская революция, стуректуралистская революция, формалистская революция) с точки зрения превращения ее в дисциплину естественнонаучного типа, что подразумевает заимствование естественнонаучных онтологий и опорных понятий, отказ от субстантивных онтологий в пользу формальных, а также развитие практик квантификации и социально-инженерного и проектного подхода.
- 6) Операционализировать понятие "формальной онтологии" в контексте анализа развития экономического знания и выявить возможные траектории развития дисциплины, базирующейся на формальной онтологии, ее преимущества и апории.
- 7) Рассмотреть взаимосвязь воспроизводства знания и власти в контексте развития экономической науки, сфокусировав внимание на инкорпорации научного знания в систему государственного управления и квантификации как ключевой управленческой, социальной и риторической технологии, ее роли в обеспечении объективности научного знания и практик управления, а также влиянии на проблему репрезентации объекта в знании.
- 8) Описать формирование двух относительно автономных эпистемических культур экономического знания: научной и экспертно-административной и показать точки их схождения (эпистемические практики), обеспечивающие их взаимную рециркуляцию.
- 9) Описать сложившиеся практики функционирования экономического знания как транс-эпистемическую область, расположенную на границе между академическим миром и политической сферой, а также масс-медиа и бизнесом (имеющими важное значение в воспроизводстве системы власти). Операционализировать представление о транс-эпистемической области в качестве методологического регулятива для анализа современного этапа развития экономического знания.
- 10) Проанализировать процесс глобализации экономической профессии и экономического знания в рамках процесса нарастающей экономизации социального, а также роль экспертного знания, его особенности и механизмы формирования авторитетного дискурса (то, как только можно и должно говорить об "экономическом").
- 11) Проанализировать процесс замещения (научных) теорий (и стоящих за ними субстантивных онтологий) дискурсами (дискурсивными онтологиями), которые

формируются на границе между академическим миром, масс-медиа, политической сферой и бизнесом и восполняют формальные онтологии экономической науки, обеспечивая привязку моделей к реальности.

Объектом исследования являются экономическое знание и экономическая наука, механизмы их воспроизводства и сложившиеся режимы функционирования – эпистемологические и институциональные.

Предметом исследования являются философско-методологические регулятивы и основания сложившихся режимов функционирования экономического знания. Мы анализируем экономическую науку как "эпистемологическое предприятие", подразумевающее определенные правила производства знания и определенный "научный этос", и как общественный институт, чья деятельность тесно взаимосвязана и включена в воспроизводство и функционирование других общественных сфер, таких как государственное управление, бизнес и СМИ (масс-медиа). Предметом интереса в данной работе также является изменение доминирующего образа экономической науки и нормативно парадигмального видения ее как внутри сообщества, так и извне, а также позиции дисциплины в дисциплинарной иерархии общественных наук, ее социальный статус, сложившиеся в экономической теории дискурсивные практики и их взаимодействие с авторитетными экспертными дискурсами за пределами академического сообщества.

Теоретико-методологическая база диссертационной работы

Диссертационная работа опирается на исследования в области философии и методологии экономики (У. Мязи, М. Морган, Ф. Мировски, Л. Хардт) и в целом по философии науки, а также на работы по социальной и исторической эпистемологии (П. Галисон, Л. Дастон, Н. Картрайт, Э. Пикеринг, Т. Потер, И. Хакинг) и разработанные в рамках этих исследований систему понятий и концептуальный каркас. В частности, на труды М. Фуко и его концептуализацию "эпистемы", "дискурса" и дискурсивных практик, подразумевающих единство сложившихся систем знания и практик, П. Бурдьё и его понятия "символической власти", "символического капитала" и "поля науки", Р. Мертона и его понятие "научный этос", К. Кнорр-Цетиной и ее концепцию "эпистемических культур", под которыми понимается знание как система взглядов и представлений, сложившиеся в результате определенных научных практик разновидности научного менталитета, подразумевающие определенные способы мыслить оперировать объектом и осуществлять познавательную деятельность, а также определенные средства придавать легитимность знанию, верифицировать его (объективность, достоверность и т.п.) и представлять его в той или иной форме (тексты, модели, эксперименты и т.п.). Кроме того, диссертационное исследование опирается на работы философа науки Б. Латура и его концептуализацию науки как динамической сети (network или в более поздних работах worknet) разнородных общественных групп и предметов природы и техники, которые образуют устойчивые и взаимодополняемые коалиции ("машинерии") разнонаправленных сил, устанавливающих не только истинность, но и неоспоримость научного знания для других социальных групп. В результате истинность утверждается в ходе столкновений в сфере научной деятельности оформленных научных сетей различной степени могущества, которое и предопределяет устойчивость и степень монопольности научных школ.

Еще одним важным теоретическим источником для данной диссертации являются развиваемые в рамках экономической социологии от К. Поланьи и до М. Калонна идеи о том, что институциональный и историко-эпистемологический анализ должны стать предварительным условием всякой экономической теории и нашей рефлексии об экономике, потому что "экономическое знание" - неотъемлемая часть экономики в том

виде, в каком она существует сегодня. В таком контексте экономическая наука предстает частью экономического знания, которое скрепляет собой экономические практики, экономические институты и собственно экономическую науку. В свою очередь, экспансивное развитие экономического знания является, с одной стороны, частью процесса нарастающей капитализации все большего числа социальных сфер и, с другой стороны, широкого процесса "экономизации" (М. Каллон на основе идей Э. Чемберлина), распространения экономического мышления на повседневное поведение и практики, которое по сути описывают в своих работах Г. Беккер и Дж. Стиглер. В рамках подобных исследований сфера "экономического", включая экономическое мышление, экономическое знание и экономическую науку видится не жестко определенной и навсегда заданной, а, напротив, подвижной, изменчивой и способной менять реальность и человеческое поведение, т.е. трансформация социальных и институциональных практик и знания рассматриваются как единый процесс. Такая перспектива позволяет по-новому поставить вопрос о реалистичности экономической теории и причинах ее высокой резистентности к критике.

Взаимодействие экономической науки и государства рассматривается в диссертационном исследовании в контексте работ философа науки и историка М. Фуко и его понятия "управленческая ментальность" (*gouvernementalité*). Фокусируя внимание на связке "знание-власть", эта исследовательская программа позволяет проанализировать узловые взаимодействия между экономическим знанием и управленческими практиками государства. Причем не столько касательно того, каким образом следует управлять экономикой и обществом, а с точки зрения установления критериев правильности для управленческих практик, способов формирования объектов управления и в целом отбора тех типов знания, на которых может базироваться и развиваться государственные практики управления и мышления об "экономическом". По этой причине особый интерес представляет экспертное знание, ставшее результатом того, что экономическая наука взяла на себя экспертные функции и выступает одним из основных источников знания государства об обществе и одним из ключевых средств определения регулятивов для социальной и экономической политики.

Методология и методы исследования

Большинство философско-методологических исследований экономической науки основано на позитивистской и постпозитивистской парадигме, стандарт таких исследований задали сами экономисты, например, М. Фридман, а также методологи, такие как М. Блауг и многие другие, включая некоторых российских исследователей. Ограничения неопозитивизма (включая эмпиризм Т. Хатчисона, операционализм П. Самуэльсона, инструментализм М. Фридмана и гипотетико-дедуктивный подход М. Алле), а также постпозитивистской исследовательской программы детально проанализированы в западной методологической литературе, среди российских работ следует отметить диссертацию И.В. Филатова.¹⁴ Ключевой характеристикой позитивизма является внимание к анализу структуры и функциям экономической теории, игнорирование ценностных и метафизических (онтологических) оснований экономической теории, неисторичность самой концепции, не интересующейся реальными процессами развития экономики как науки и подразумевающей навязывание определенных стандартов научности, жесткое разграничение теоретического и эмпирического слоя экономического знания. В свою очередь, постпозитивизм критикует эти особенности позитивизма и в особенности идею, что теоретические гипотезы и концепты не имеют самостоятельного познавательного значения и фокусируется на исследовании механизмов развития экономической теории, выделении ее

¹⁴ Филатов И.В. (2000). Методология экономической теории: постпозитивистский этап // Диссертация на соискание степени кандидата экономических наук.

структурообразующих компонентов (в том числе с опорой на концепты Т. Куна "парадигма" и И. Лакотоса "научно-исследовательская программа"). Между тем, в целом ряде методологических работ было показано, что развитие экономической теории с трудом вписывается в концепты Т. Куна и И. Лакотоса (несмотря на их несомненную инструментальную и аналитическую ценность). В частности, не позволяет выявить сложившиеся механизмы формирования и передачи знания, воспроизводство стандартов научности - эпистемологических и квалификационных идеалов, действующих в рамках дисциплины, а также интерпретировать такое важное дисциплинарное (и одновременно институциональное и риторическое) явление как "мейнстрим" в экономической науке.

Позитивисткая и отчасти позитивисткая парадигма опираются на нормативный образ науки и предписываемые им жесткие регулятивы и стандарты научного познания, как правило, интерналистские представления о траектории развития научного знания, а также сосредоточены на теоретическом слое научного знания, воплощающем нормативный идеал научности. В имеющейся литературе основные методологические дебаты, в том числе те, которые касаются реалистичности экономической теории и статуса моделей и стоящих за ними онтологий, сводятся к спору между позитивистской методологией и ее различными объяснительными теоретическими схемами (и стоящими за ними репрезентациями экономической реальности) и прагматическим подходом, видящим ключевой задачей науки прикладные знания - формирование эффективных инструментов управления экономикой.

Несмотря на то, что позитивизм и постпозитивизм идеально соответствуют самопрезентации экономической науки и поддержанию ее высокого статуса как самой научной среди социогуманитарных дисциплин, максимально приближенной к естественнонаучным стандартам производства знания, у большинства практикующих экономистов жесткий методологизм, нормативно предписывающий, каким должно быть экономическое знание, вызывает закономерную критику и отторжение. На этом фоне стали развиваться по своей сути антиметодологические эклектические подходы к анализу экономического знания – такие как риторический, наиболее ярко представленный в работах Д. Макклоски, объявившей методологию ограниченной, узкоинструментальной и вредной.

В рамках нашей работы мы исходим из того, что методология должна выполнять критическую и аналитическую функцию, а не нормативно – предписывающую, и поэтому опираемся на критический анализ доминирующих методологических программ, с целью обнаружения их принципиальных ограничений, преодоление которых невозможно в силу базовых интуиций, составляющих их "твердое ядро" (Кошовец 2003).

Данная диссертационная работа использует в качестве рамочного деятельностный подход и во многом основывается на конструктивистской методологической программе, предложенной в рамках *science and technologies studies*, в которой представлен иной образ науки, основанный на исследованиях того, как реально производятся научные знания, а ни какими они должны быть. Наука рассматривается преимущественно как практика, которая не только воздействует на реальность, но и непосредственно встроена в нее. Имея богатый опыт изучения естественных наук, исследователи в этой области в последние 15 лет обратились к экономической науке и таким сферам функционирования профессионального экономического знания как, например, финансовые рынки. Проведенные в рамках данной методологии исследования убедительно показали, что научное знание разворачивается как локальные социально-материальные практики и, что институционализированный процесс научного познания в такой же степени влияет на изучаемую реальность, в какой она сама определяет содержание и протекание познавательных процессов и самого знания.

Вместе с тем, в наши задачи не входит детальное изучение и реконструкция (историческая или социологическая) конкретных практик экономистов, как это делается в большинстве работ в рамках *science and technologies studies*, поскольку основной фокус

данного исследования - методологический и эпистемологический. Иными словами, наша задача изменить сам привычный сложившийся фокус рассмотрения ключевых проблем развития экономической науки и включить тему реалистичности экономических теорий (моделей) и стоящих за ними онтологий в широкий институциональный контекст функционирования экономического знания. Мы используем социальный и историко-культурный анализ функционирования экономического знания, а также дискурсивный анализ текстов, постольку, поскольку это необходимо для целей методологического и эпистемологического анализа.

Научная новизна

Принципиально новыми результатами диссертации являются следующие компоненты:

- Предложена попытка концептуализировать эволюцию парадигмы экономической науки в XX-XXI в. исходя из новой методологической перспективы, в рамках которой экономическая наука рассматривается как неотъемлемая часть экономического знания, значительный пласт которого развивается за пределами академической сферы в других социальных сферах (и эта тенденция нарастает). Это накладывает серьезный отпечаток на характер производства экономического знания в научных институциях, его стандарты и содержание (включая проблему онтологии и объективности). В результате научное экономическое знание (в своих эпистемологических характеристиках) начинает все в большей степени подчиняться закономерностям развития иных социальных сфер, их нормативным идеалам и тому, как они используют знание. Предложенный новый методологический подход предполагает особое внимание к практикам и сложившимся режимам производства экономического знания, а также институциональному и социокультурному контексту его функционирования, что позволило поставить ключевые вопросы методологии экономической науки о чрезмерной абстрактности (нереалистичности) моделей и засилье формализма в новый контекст и дать на них новые ответы.
- Предложена гипотеза о формировании и развитии двух относительно автономных эпистемических культур производства экономического знания – научной и административно-экспертной. Эта концептуальная рамка позволила по-новому представить общую траекторию развития дисциплины, объяснить ее сильные и слабые стороны, дать оценку дискуссии о кризисном состоянии экономической науки и сделать обоснованные предположения о будущем дисциплины.
- В диссертации проанализированы обе эти эпистемические культуры и сложившиеся в них коммуникативные и дискурсивные практики. Показано, что условия воспроизводства и применения знания в рамках этих культур принципиально различаются, однако есть эпистемические практики (квантификация, производство статистических данных и формализация), которые их объединяют, способствуют сближению и дальнейшему сращиванию, в результате чего об экономическом знании следует говорить, как об особом транс-эпистемическом поле на стыке академического мира, власти (госуправления), бизнеса и СМИ.
- Показано, что ключевые проблемы чрезмерной абстрактности (нереалистичности) моделей и засилья формализма являются по своей сути не столько эпистемологическими, сколько онтологическими. При этом вопрос о правильной репрезентации реальности в моделях не позволяет решить эти проблемы, а тезис о перформативности моделей, в свою очередь, не объясняет механизма воспроизводства крайне абстрактных (нереалистичных) моделей и формализма в экономической науке. В данной работе предложено решать эту проблему, исходя

из того, что: экономическая наука является лишь частью экономического знания, которое, в свою очередь, имеет внутри себя две относительно обособленные эпистемические культуры и функционирует и воспроизводится как транс-эпистемическое поле.

- Предложенный новый методологический ракурс рассмотрения позволяет поставить вопрос об онтологии и онтологической объективности как ключевой для экономического знания. Показано, что экономическая наука работает с формальными онтологиями, что стало результатом определенной траектории развития дисциплины по пути математизации, формализации и следования естественнонаучному стандарту производства знания. Выделены основные реперные точки на этом пути (внутринаучные и общенаучные): маржиналистская революция, стуректуралистская революция и формалистская революция, которые последовательно привели к 1) выстраиванию экономической науки во многом по типу дисциплины естественнонаучного типа, что облегчает заимствование естественнонаучных онтологий и опорных понятий; 2) отказу от субстантивных онтологий в пользу формальных; 3) утверждению социально-инженерного и проектного подхода, которые подразумевают отказ от идеала научного реализма (объективной с онтологической точки зрения репрезентации исследуемого фрагмента реальности) в пользу конструирования (проектирования) объектов и разработки инструментов и технологий такого конструирования; 4) усвоению идеала (эпистемологического регулятива) "структурной объективности", который предполагает отказ от установки на реалистичное отображение объекта (онтологической объективности) в пользу борьбы с субъективизмом и культивирования эпистемологической объективности знания с помощью определенных желательных формализованных правил и норм его производства.
- Показано, что модели, будучи основаны на формальной онтологии, сами по себе не являются носителями какой-то идеологии, - с точки зрения логики развития самого научного знания их эволюция подчиняется внутренним закономерностям развития формального математического аппарата. Однако, чтобы объяснять какие-то экономические реалии модели должны иметь содержательную привязку к тому, что они объясняют, а, следовательно, формальные онтологии с необходимостью требуют достраивания дискурсивными онтологиями, которые позволяют как-то интерпретировать модели на реальность или ставить вопрос об их практическом значении. В диссертационной работе выявлено, где и как по преимуществу формируются дискурсивные онтологии в условиях, когда они вытесняются из экономической науки на фоне доминирования формальных онтологий и нарастания инструментального крена в развитии дисциплины. Показано, как функционируют в экономическом знании формальные онтологии, какие выполняют эпистемологические функции, и за счет каких механизмов поддерживают развитие дисциплины по пути все большей формализации и возрастающей абстрактности (нереалистичности) моделей.
- Показано, что одним из ключевых источников чрезмерной формализации и нереалистичности экономической теории является взаимоотношения с государственным управлением в контексте встраивания элементов научного знания в практики управления и превращения их в технологии управления. В диссертационной работе обосновано, что базисные практики административного управления: статистический учет и квантификация, связанные с использованием знания для конструирования (конструирования) объекта управления и его расширения, а также для придания управленческим решениям объективного (незаинтересованного) характера сыграли значительную роль в развитии и закреплении тренда на формализацию экономической теории.

- Показано, что крен в формальную инструментализацию в рамках обеих эпистемических культур является закономерным следствием сложившихся условий воспроизводства экономического знания:
 - 1) инструментальное знание, представляемое в форме статистических показателей, таблиц, математических моделей, расчётов, графиков имеет в современном обществе и в рамках сложившейся научной культуры наиболее высокий уровень доверия.
 - 2) в инструментальное знание легче инкорпорировать оценочные /идеологические суждения (это происходит при отборе материала, постановке задач и в ходе интерпретации), при этом они как бы десубъективируются за счет квантификации и инструментальной репрезентации, которые как бы создают "технологии дистанцирования"). "Технологии дистанцирования" придают получаемым результатам, и делаемым на их основании выводам, объективность, и, с другой стороны, позволяют снимать ответственность – "так показывает модель".
- Показано, что как бы экономическая наука не выстраивалась по лекалам естествознания и в соответствии с его эпистемическими идеалами, а также не ориентировалась на производство моделей как основную эпистемологическую задачу, это не отменяет дискурсивный компонент экономического знания. Модели, чтобы иметь экономический смысл, должны иметь субстантивную онтологию, привязывающую их к экономике, и позволяющие интерпретировать их на экономическую реальность. В этом контексте отказ от теорий в пользу производства инструментов анализа означает, что дискурсивные практики, в рамках которых создаются модели и инструменты и с помощью которых они интерпретируются, формируются *за пределами* академического поля. В работе этот процесс предварительно концептуализирован в рамках гипотезы о постепенном замещении (научной) теории (внеаучным) дискурсом (дискурсивными онтологиями, сформированными за пределами академической сферы).
- В диссертации обосновано, что основная причина замещения теорий вне-научным дискурсом - воспроизводство экономического знания преимущественно за пределами академической сферы и развитие автономной формы - экспертного знания, чье значение увеличивается по мере разрастания и глобализации экономической профессии и в рамках процесса нарастающей экономизации социального. Показано, что эта тенденция является комплементарной к тенденции "инструментального крена" в определении предмета и целей дисциплины, "эмпирического поворота" и "теоретического оскудения".

Теоретическая значимость работы

Теоретическое значение диссертационной работы определяется, прежде всего, его целью – оно затрагивает фундаментальные проблемы развития экономического знания и имеет целью расширить и углубить теоретико-методологические исследования в области философии и методологии экономической науки в России, так как они развиты в значительно меньшей степени, чем в мировой науке. Произведенная критическая работа, как мы полагаем, позволяет, во-первых, поставить вопрос о необходимости разработки и применения альтернативного методологического подхода для решения сложившихся в данной предметной области проблем. И, во-вторых, определить общие контуры и необходимые онтологические и эпистемологические принципы такого альтернативного подхода, в целом исходя из наличия в нем эвристических возможностей для решения основных выявленных нами апорий.

Опыт проблематизации оснований ведущих парадигматических подходов в исследовании развития экономической науки и эволюции научного знания, а также

попытка представить комплексную картину развития экономической науки как части экономического знания, функционирующего далеко за пределами академической сферы, представляет интерес не только для методологии науки, но и для широкого круга специалистов, изучающих экономику и интегрированных как в конкретную исследовательскую практику, так и в прикладные проекты в данной области. Поскольку мы стремились соединить критический ракурс рассмотрения с институциональным, историческим и социокультурным, а так же проделали работу по систематизации данной проблемной области, диссертация может быть использована как методологическая и теоретическая основа для дальнейших, в том числе междисциплинарных исследований в области изучения теории и методологии экономической науки, реальных механизмов функционирования экономического знания и их влияния на общественные практики и общественное мнение, в том числе и в России.

Практическая значимость работы

Полученные в ходе исследования результаты могут быть использованы при разработке и формировании университетских программ и курсов по методологии и философии науки, по экономической социологии, по истории экономических учений, а также для междисциплинарных программ на стыке экономики, философии, истории и социологии. Кроме того, результаты диссертационной работы будут полезны при реализации программ повышения квалификации и переподготовки преподавателей экономических вузов, для выработки и (или) корректировки программ в области экономического образования, а также при подготовке монографий и научных статей, посвященных различным проблемам развития экономического знания.

Соответствие области исследования Паспорту научной специальности

Диссертация соответствует положениям 4.1, 4.2, 4.3, 4.5 пункта 4 Паспорта научной специальности 08.00.01 Экономическая теория (экономические науки):

4. Методология экономической науки.

4.1. Философские, этические и методологические предпосылки экономических теорий.

4.2. Эволюция парадигмы экономической теории.

4.3. Междисциплинарные взаимодействия в экономической науке.

4.5. Стандарты научности и критерии оценки экономических знаний.

Степень достоверности, апробация и внедрение результатов исследования.

Достоверность результатов диссертационного исследования подтверждается использованием многочисленной зарубежной и отечественной литературы и согласуется с основными исследованиями в области философии и методологии экономической науки, экономической социологии, science and technologies studies, что позволило детально изучить эволюцию и современное состояние экономической науки и экономического знания, представить новый образ экономической науки и дать новую оценку ключевым методологическим проблемам экономической теории.

Основные результаты диссертационной работы представлены более чем на 30 профильных международных и всероссийских конференциях, форумах, круглых столах и конгрессах, в том числе на I Российском экономическом конгрессе (Москва, МГ ФГБОУ ВО "МГУ имени М.В. Ломоносова", 7 - 12 декабря 2009); в рамках международной конференции X Conference of the International Network for Economic Methodology, St. Petersburg, Russia, 16 May 2012); на ежегодной конференции Новой экономической ассоциации "Междисциплинарные исследования экономики и общества", Москва, МГ ФГБОУ ВО "МГУ имени М.В. Ломоносова", 10-11 декабря 2013); на II Российском

экономическом конгрессе (Суздаль, Владимирская область, 18-22 февраля 2013); на международной конференции 13th International Symposium "Economy & business" – "Reconstructing the World Economy" (Bulgaria, Elenite, Bulgarian Academy of Sciences & Science Education Foundation, September 1-5, 2014); на международной конференции XX Annual Conference On Epistemology of The Economic Sciences (Argentina, Buenos Aires, University of Buenos Aires School of economics, September 3 – 5, 2014); на международной конференции II International Conference "Economic Philosophy"- "Oneself and the Other" (France, Strasbourg, Bureau d'Économie Théorique et Appliquée of CNRS and Pôle Européen de Gestion et d'Économie, October 9-10, 2014); на международном конгрессе XV Congress of Logic, Methodology and Philosophy of Science (Finland, Helsinki, University of Helsinki, August 3-8, 2015); на XXIII Международной научной конференции "Кондратьевские чтения: тупики глобальной экономики, поиск новой теоретической парадигмы" (Москва, ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова», 25-30 октября 2015 г.); на XII Conference of the International Network for Economic Method (South Africa, Cape Town, University of Cape Town, November 19-22, 2015); на II-м Санкт-петербургском международном экономическом конгрессе "Форсайт Россия: новое производство для новой экономики" (С-Петербург, Институт нового индустриального развития им. С.Ю. Витте, 22 марта 2016 г.); на международной конференции 3-rd International Conference "Economic Philosophy" (France, Aix-en-Provence, Aix-Marseille University, June 5-16, 2016); на международной конференции "Мишель Фуко: субъект настоящего" (Москва, ФГБОУ ВО "МГУ имени М.В. Ломоносова", 28-29 октября 2016 г.); на III Российском экономическом конгрессе, Москва, ФГБОУ ВО "МГУ имени М.В. Ломоносова", 19-23 декабря 2016); на Московском экономическом форуме – "Поворот мировой истории. Новая стратегия России" (Москва, МГ ФГБОУ ВО "МГУ имени М.В. Ломоносова", 30 -31 марта 2017 г.); на международной конференции 21st Annual ESHET Conference - Rationality in Economics (Belgium, Antwerp, The University of Antwerp, May 18-20, 2017); на международной конференции 13th conference of the International Network for Economic Methodology (Spain, San Sebastian, International Network for Economic Methodology, August, 28 - 30, 2017); на международной конференции 4th International Conference "Economic Philosophy: Norms and Normativity" (France, Lyon, University of Lyon, July 27 - 29, 2018); на международной конференции 30th Annual Conference of European Association for Evolutionary Political Economy (France, Nice, The European Association for Evolutionary Political Economy, September 5-8, 2018); на V Санкт-петербургском международном экономическом конгрессе "Форсайт "Россия": будущее технологий, экономики и человека" (С-Петербург, Институт нового индустриального развития им. С.Ю. Витте, 3 апреля 2019), на XX Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества (Москва, Высшая школа экономики, 9 – 12 апреля 2019); на IV-й Международном политэкономическом конгрессе (в рамках МАЭФ-2019) "Экономика как объект междисциплинарных исследований" (Москва, МГ ФГБОУ ВО "МГУ имени М.В. Ломоносова", 14-16 мая 2019); на международной конференции Asian Conference on the Philosophy of the Social Sciences (China, Tianjin, Nankai University, June 1-2, 2019); на международном конгрессе 16th International Congress Of Logic, Methodology And Philosophy Of Science And Technology (Czech Republic, Prague, Czech Academy of Sciences, 5 -10 August, 2019); на международной конференции 14th Conference of the International Network for Economic Method (Finland, Helsinki, University of Helsinki, August 19 – 21, 2019); на XIII международном Пушинском симпозиуме по эволюционной экономике "Эволюция иерархических структур в экономике и экономический рост" (Пушино, Московская область, 5-7 сентября 2019); на I Октябрьской международной научной конференции по проблемам теоретической экономики "Экономическая наука: забытые и отвергнутые теории" (Москва, МГ ФГБОУ ВО "МГУ имени М.В. Ломоносова", 3-5 октября 2019); на Международном научно-культурном форуме "Дни философии в Санкт-Петербурге – 2019" (С-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет, 21

- 23 ноября 2019), на II Всероссийской научной конференции "Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, социуме" (Нижний Новгород, Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского, 29 ноября – 1 декабря 2019); на XXI Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества (Москва, Высшая школа экономики, 6 – 10 апреля 2020); на втором международном конгрессе Русского общества истории и философии науки "Наука как общественное благо" (С-Петербург, Санкт-петербургский государственный университет, 27-29 ноября 2020); на IV Российском экономическом конгрессе (Москва, МГ ФГБОУ ВО "МГУ имени М.В. Ломоносова", 21-25 декабря 2020); на II Октябрьской международной научной конференции по проблемам теоретической экономики "Человеческие качества и человеческое поведение в экономической теории" (Москва, онлайн-формат, 18—19 мая 2021), III Октябрьской международной научной конференции по проблемам теоретической экономики "Экономическая теория и методология: до и после маргиналистской революции" (Москва, Институт экономики РАН, 20-21 октября 2021), на XIII Международной конференции «Теоретическая и прикладная этика: традиции и перспективы – 2021», Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет, 18-20 ноября 2021 г., на III Всероссийской научной конференции "Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, социуме", Нижний Новгород, Нижегородский национальный университет им Лобачевского, 26 -28 ноября 2021 г., на XXIII Ясинской (Апрельской) международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, Москва, НИУ ВШЭ, 4-8 апреля 2022 и многих других.

Кроме того, основные результаты диссертации последовательно докладывались на международных семинарах по "Теоретической экономике" Института экономики РАН и Новой экономической ассоциации 18 марта 2010, 19 апреля 2018 г., 28 февраля 2019 г. и на заседании Ученого совета научного направления "Теоретическая экономика" Института экономики РАН 19 ноября 2020 г., а также на заседаниях Научного совета Отделения общественных наук РАН "Новые идеи в теории и социальной практике" (Институт социологии РАН) 17 апреля и 11 декабря 2019 г.

Публикации

Основные положения и научные результаты диссертации нашли отражение в 32 работе общим объемом 73,65 пл. (авторский объем 24.25 пл.), в том числе 3 монографиях (в соавторстве) объемом 49 пл. (авторский объем 9.5 пл.), 13 авторских (и в соавторстве) научных статьях в изданиях, индексируемых в международных наукометрических базах «Web of Science» и «Scopus», объемом 13,75 пл., 9 статьях в изданиях, рекомендованных ВАК России, объемом 10,4 пл. и в 7 статьях, опубликованных в иных изданиях.

Структура и объем работы.

Диссертация состоит из введения, шести глав, включающих 19 параграф, заключения, списка литературы. Список литературы включает в себя 563 источника, из них на иностранных языках 391 источник. Диссертационная работа изложена на 346 страницах, содержит 3 рисунка.

ВВЕДЕНИЕ

Глава I. Экономическая наука и проблемы реалистичности моделей: постановка проблемы

1. Онтология экономической науки между "дискурсом прогресса" и "дискурсом кризиса"
2. Основные эпистемологические и дисциплинарные сдвиги после финансово - экономического кризиса 2007 - 2009 гг.

Глава II. Современные тенденции развития экономической науки: изменение практик производства экономического знания

1. Основные онтологические и методологические сдвиги: модель как инструмент
2. Основные онтологические и методологические сдвиги: модель как нарратив ("басня")

Глава III. Математизация и формализация экономического знания: эпистемологический и онтологический аспекты

1. Естественнонаучный стандарт знания и дисциплинарный статус экономической науки
2. Онтологические и эпистемологические аспекты установления естественнонаучного стандарта в экономическом знании
3. Маржиналистская революция: адаптация естественно-научной онтологии к экономическому знанию
4. Структуралистская и формалистская революция: отказ от субстантивных онтологий в пользу формальных
5. Нейроэкономика и эмпирический базис экономики: проект создания новой естественнонаучной онтологии

Глава IV. Онтология экономической науки и формализм

1. Разработка онтологической проблематики в методологии экономической науки
2. Экономическая наука как территория формальных онтологий

Глава V. Онтология экономической науки: междисциплинарные стратегии и дискурсивные практики

1. Экономическая наука и междисциплинарные стратегии
2. Модель и нарратив: онтологический анализ
3. Экономические модели как дискурсивные феномены

Глава VI. Институциональный аспект развития экономического знания: наука и профессия

1. Воспроизводство экономического знания в системе власти и госуправления
2. Конструирование "экономики" как объекта управления и глобализация экономического знания
3. Экономическая профессия и воспроизводство экономического знания за пределами научных институций: экспертное знание
4. Экономическое знание как транс-эпистемическая область
5. Квантификация и проблема объективности экономического знания: онтологический и эпистемологический аспекты

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Список литературы

II. ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ РАБОТЫ

1. Основной реакцией на финансово-экономический кризис 2007-2009 гг. стал сдвиг в понимании экономической науки как дисциплины, который обобщено можно обозначить как "инструменталистский крен". Он проявился и в институциональном плане (в системе обучения), и в дисциплинарном развитии (эмпирический поворот, "революция достоверности"), и в методологической рефлексии со стороны и философов-методологов экономической науки, и самих экономистов. Экономическая наука окончательно редуцируется к моделированию, точнее предстает исключительно как метод, как "ящик исследовательских инструментов" по производству "как если бы" (as if) теорий и знания о *любом* ("возможном") социальном (не обязательно экономическом) мире. Это закономерно отражает тот путь, которым дисциплина развивалась и то состояние, к которому она пришла на рубеже XX-XXI вв., когда моделирование является основным содержанием обучения

и ключевым элементом деятельности работающих в этой сфере специалистов. При этом после кризиса, с одной стороны, еще больше усиливается ориентация на естественно-научную парадигму и создание самодостаточных инструментов выявления причинно-следственных связей ("революция достоверности"), а с другой, в риторике экономистов явно обозначается дискурсивный и нарративный смысл моделей ("вдохновляющие истории", басни).

Дискурс о кризисном состоянии экономической науки имеет очень длительную историю, однако на фоне финансово-экономического кризиса 2007-2009 гг. критика в адрес дисциплины резко усилилась, причем атаке подверглась, прежде всего, экономическая теория. С методологической точки зрения наибольший интерес в этой критике представляют три основных пункта, которые взаимосвязаны между собой: нереалистичность (чрезмерная упрощенность) моделей, избыточная формализация и математизация, а также излишняя самоуверенность экономистов в своих теоретических утверждениях. Первые два пункта упираются в вопрос об онтологии экономической науки, а третий, прежде всего, требует институционального и социокультурного анализа. Реакция большинства методологов экономической науки на кризис 2007-2009 гг. оказалась предсказуемой и в целом в русле прежних позиций: либо усиление критики (в основном со стороны гетеродоксов), либо новые эпистемологические аргументы в пользу обоснования (оправдания) целей, задач и пользы моделей. В этой связи наибольший интерес представляют попытки рефлексивно-методологического осмысления кризиса со стороны самих экономистов, которые, перейдя от обороны в наступление, по ходу дела произвели сдвиг в переосмыслении предмета, задач и статуса экономической науки. Основная цель таких работ – это защита формализма и формальных техник как основного и наиболее ценного научного продукта дисциплины. В таком контексте "экономическая наука" (economics) это не наука об обществе, цель которой — понять, как устроена экономика, а один из способов изучения общества с применением определенных инструментов. "В такой интерпретации дисциплина ассоциируется с аппаратом математического моделирования и статистическим анализом, а не с определенными гипотезами или теориями относительно экономики. Отсюда следует, что экономические методы можно применить помимо экономики ко многим другим сферам"¹⁵.

Суммируя можно сказать, что дисциплинарной реакцией на т.н. Великую рецессию стали важные изменения в практиках обучения экономике, производства экономического знания, а также рецепция самими экономистами этих изменений, которые в целом можно охарактеризовать как фундаментальный сдвиг от науки, теории и объяснения действительности к ремеслу, технике и преобразованию (конструированию) реальности. Речь в частности идет о таких явлениях, как "эмпирический поворот", решающее значение эконометрических оценок для деятельности, исследовательских и экспертных практик экономистов, а также отказ от претензий на научность экономических построений и моделей как риторическая стратегия с целью избежать обвинений в сциентизме. Эти изменения происходят в "горизонтальном направлении" (т.н. "горизонтальный прогресс" знания), т.е. принципиально предполагают сохранение практик, центрированных на создание моделей и развитие формального инструментария, а также экстенсивный и/или экспансионистский путь прогресса в дисциплине.

Между тем, попытки приравнивания деятельности экономиста к ремеслу (craft)¹⁶, а моделей к басням (Ар. Рубинштейн, Д. Родрик, Д. Макклоски и многие другие) предполагает, что задача экономического моделирования предстает совсем иначе, не как поиск каузальных связей (они существуют лишь в голове интерпретатора), а как рассказывание "вдохновляющих историй", в том числе, потому что нарративные структуры позволяют помнить экономические уроки и уже с момента обучения будущих

¹⁵Rodrik D. (2015). Economic Rules: The Rights and Wrongs of the Dismal Science. -W.W. Norton, p. 11.

¹⁶ Leamer E. (2012). The Craft of Economics. — MIT Press.

экономист усваивает соответствующее мышление и "даже если конкретные детали моделей забыты, они остаются шаблонами для понимания и интерпретации мира".¹⁷

Несмотря на то, что казалось бы антисциентистскую и имплицитно содержащую антиреалистическую позицию, риторическая стратегия, сравнивающая модели с баснями, призвана защитить моделирование как основную практику экономистов и поддержать представление о моделях как о сверхценном инструменте. Только акцент здесь смещается с познания, описания и объяснения реальности на усвоение определенных обобщённых шаблонов, типических представлений, т.е. подчеркивается конструктивная и генеративная роль моделей в экономическом знании и практиках. Во-вторых, особый акцент на мастерстве и компетенции, а не на научных знаниях указывают на то, что авторитет и позиция экономиста важнее и, что они лишь поддерживаются наукой (академическим капиталом, представляющим систему высококачественной формальной и неформальной сертификации), но воспроизводятся преимущественно в другой сфере, нежели наука. Иными словами, существеннее, что экономист - эксперт, обладающий определенным статусом и репутацией в обществе, а не ученый, имеющий определенные знания.

2. Онтологические структуры знания – результат действий коллективного научного субъекта. Часть таких структур создается до и помимо конкретного ученого в рамках соответствующей предметной области, где они со временем объективируются в рамках той или иной научной традиции, научной и образовательной практики. Это ведет к онтологизации базовых теоретических конструктов, понятий и концептов, иными словами, экономисты в рамках своих исследовательских и экспертных практик начинают работать с ними как с реально существующими объектами (ВВП, инфляция и т.п.)

Любой ученый неререфлексивно вводит онтологические структуры (предпосылки, видение) в начало своего рассуждения как систему исходных предположений, предпосылок или гипотез. Эти "готовые" структуры представлений, существующие в рамках определенной предметной области и выступающие средством построения нового фрагмента знания, являются частью наличной научной онтологии, на которую данный фрагмент знания опирается, и которая неявно заимствуется из базовой научной традиции. При этом ученый, как правило, не задумывается над тем, как, где и в какой форме существуют объекты, обозначаемые понятиями теории, постольку, поскольку они просто необходимы ему как условия развертывания его построений.

Однако в реальной практике конкретный ученый вынужден почти постоянно выходить за рамки "чистой" теории и обнаруживать предметные определенности ей противоречащие. Каждая онтология также предполагает определенные стандартизованные схемы объяснения (к примеру, "цены финансовых активов точно отражают всю имеющуюся информацию о фундаментальных экономических показателях"). Если, к примеру, теоретику указывают на какой-то феномен в реальности (к примеру, "пузырь" на кредитном рынке), не включённый в его теорию, он либо отрицается, либо переинтерпретируется зачастую с помощью метафорических описаний, иначе говоря, как отмечает Р. Сагден, чтобы скрыть такие разрывы экономисты обращаются к риторике¹⁸.

В философии и методологии экономической науки сложилось три основных дискурсивных стратегии решения онтологических проблем моделей и нереалистичности их предпосылок, которые мы условно обозначим как: 1) репрезентивистская (опирающаяся на классический идеал научного реализма и предполагающая что модель

¹⁷ Rodrick D. Economic Rules, p.18.

¹⁸ Сагден Р. (2012) Правдоподобные миры // Философия экономики. - М.: Изд. Института Гайдара. - С. 475-518, с. 517.

что-то описывает в реальности). Этот подход предполагает развитие интерпретативного контекста моделей, с помощью которого они будут интерпретироваться на реальность (Дж. Ходжсон). Другой радикальный вариант в рамках этой стратегии - замена на немеханистическую онтологию, более подходящую социальным наукам (Т. Лоусон); 2) междисциплинарная или империалистическая стратегия, которая подразумевает заимствование онтологии из других дисциплин или универсализацию имеющейся онтологии за счет экспансии в другие дисциплины и расширение границ "экономического" (ярким примером являются поведенческая экономика, нейроэкономика); 3) эпистемологическое оправдание моделей, в рамках которого они сравниваются с полезными инструментами или предстают как аналоги ключевых процедур верификации знания в естественных науках. Подобное обсуждение моделей исходит из инструментального видения и нормативных представлений об их функции в экономическом знании и таким образом по факту игнорирует проблему онтологии, которая выносится за скобки (примером является тезис "модель – это эксперимент" У. Мяки и схожие с ним).

3. Экономическая наука работает с формальными онтологиями. Это стало результатом определенной траектории исторического развития дисциплины по пути математизации, формализации и жесткого следования естественнонаучному стандарту, включая адаптацию экономической онтологии к естественнонаучной. Это, привело сначала к обеднению содержательного представления об исследуемом объекте а, в конечном счете, в рамках "структуралистской революции" способствовало де-онтологизации экономической теории – т.е. замене субстантивных предметных онтологий формальными. Последние обладают способностью к конструированию любой реальности и порождению произвольных, логически "возможных миров", а также позволяют превращать модели в универсальные инструменты исследования и технологии работы.

В исторической и методологической литературе утвердился дискурс о том, что проблема засилья формализма и чрезвычайной упрощенности (нереалистичности) экономических моделей напрямую связана с тем, что на рубеже XIX и XX вв. экономическая наука взяла курс на математизацию, дабы соответствовать естественнонаучным стандартам или даже превратиться в естественную науку. В литературе выделяются различные этапы и причины математизации, как исторические, так и дисциплинарные (трансформация из *moral science* в *science*) и институциональные (система образования по стандарту А. Маршалла, формирование профессии экономиста-технократа для внешних, неакадемических потребностей). Однако эта тема нуждается в дополнительном исследовании и реконструкции с точки зрения влияния такой траектории развития на онтологию экономической науки.

Мы выделяем несколько реперных точек в процессе математизации дисциплины в контексте ее внутреннего, общенаучного и социокультурного развития с целью понять, как стало возможным превращение экономической науки в "ящик с инструментами", игнорирующий проблему нереалистичности моделей:

1) маржиналистская революция, в результате которой произошло заимствование инструментария и опорных понятий математизированной физики, а также институционализация математизированного экономического образования. На этом этапе происходит переинтерпретация некоторых экономических процессов в терминах физики, т.е. адаптация экономики к естественнонаучной онтологии, однако сохраняется естественнонаучная установка на реалистичную репрезентацию экономических объектов и процессов в теории (Вальрас);

2) структуралистская революция 1910 - 1940 гг. и развивавшиеся на ее фоне такие программы обоснования математического знания как формализм Д. Гильберта, который

решительно отвергал любые связи между математическими объектами и реальностью, и логицизм, превративший математику в общий метод доказательства и открытия в науке. Этот общенаучный тренд разворачивался в рамках углубления борьбы с субъективизмом в научном знании и ориентировался на построение собственно научных онтологий, очищенных от метафизики. В соответствии с этим трендом происходит переконфигурация предметной области экономической теории: переход от описания свойств объектов к описанию их через отношения (структуры). Это дает радикальное преимущество: если закон в виде причинно-следственной связи должен быть обязательно обнаружен в эксперименте, то структурные отношения доказываются только логическими и формальными средствами, для чего прекрасно подходят модели. Ключевое значение структуралистская революция также сыграла в формировании научного идеала "структурной объективности".¹⁹

3) проект эконометрика 1930 и формалистская революция, в рамках которых происходит окончательный отказ экономической науки от установки на репрезентацию. Эконометрическая программа развивается как сознательный переход от изучения объекта как он есть в сторону его планирования, проектирования и конструирования. Условием такого перехода стало "развоплощение" экономики, которая превратилась во множество операций и статистических показателей, обозначенных как экономические, которые были абстрагированы от остальной социальной жизни и воссозданы как объект (система структурных отношений), ведущий себя в соответствии со своей собственной логикой. Формалистская революция сопровождается массовым приходом математиков в экономику после Второй мировой войны, а также развитием программы Д. Гильберта в рамках т.н. движения Бурбаки, которое оказало значительное влияние на новый этап формализации экономического знания. В результате в модели Эрроу-Дебре создается парадигмальная формальная онтология, в рамках которой теория общего экономического равновесия Л. Вальраса преобразуется в самодостаточную формальную структуру, как того требует бурбакизм. С этого момента субстантивные онтологии были практически полностью вытеснены из экономической дисциплины, а ее дальнейшее развитие в рамках теоретического производства стало определяться формальными онтологиями.

В результате такой последовательной математизации экономика превратилась в "исследовательскую программу, которая движима своей собственной внутренней логикой, где исследователи стремятся понять проблемы, создаваемые моделями, которые они используют, а не выводят свои проблемы из наблюдений".²⁰ Утрата эмпирической составляющей и нарастание проблем с предметным содержанием формальных моделей приводят к т.н. "эмпирическому повороту" в экономической науке. Наиболее радикальной попыткой насыщения предмета экономической науки эмпирическим содержанием является создание субдисциплины нейроэкономики, в рамках которой происходит возвращение к проекту "физикалистской" экономики, вскрывающей, подобно естественным наукам, законы природы, а также тотальная натурализация экономической онтологии. Однако этот проект привел не столько к решению проблемы эмпирической базы экономической теории, сколько к деградации предмета за счет подмены социальных объектов их предполагаемым материальным субстратом (нейрофизиологическими коррелятами социальных фактов).

4. В экономической теории, где произошло замещение содержательных онтологий формальными, исходные предметные категории универсализируются и теряют связь с изначальным референтом (объектом), а потому начинают выступать в роли структурных элементов порождения "возможных миров" (т.е. неких моделей, воображаемых репрезентаций того, как должно и могло бы быть, например рынок

¹⁹ Дастон Л., Галисон П. (2018). Объективность. - М.: Новое литературное обозрение.

²⁰ Lipsey R.G. (2001). Successes and Failures in the Transformation of Economics // Journal of Economic Methodology 8, 2. Pp.169-201, p. 177.

совершенной конкуренции). Иначе говоря, созданная математическими средствами формальная онтология – это возможные миры (метафоро-математические), "населенные" типическими объектами. Работа с ними формирует определенный когнитивный стиль экономиста и способы оперирования материалом, заставляя везде видеть "рынок", "равновесие", "рациональное поведение", "выбор" и т.п., и превращая эти категории в универсальные схемы объяснения и понимания, а также экономизации социального мира.

Для развития экономического знания применение математических конструкций имеет две стороны. С одной стороны, применение моделей для решения огромного типа прикладных научных и локальных бизнес задач имеет огромный и постоянно воспроизводимый практический эффект. С другой стороны, используемый в экономической теории математический аппарат почти никогда не проверяется на адекватность исследуемой предметной области (прежде всего из-за чрезвычайной сложности и исходной эпистемологической установки на упрощение).

В этой ситуации, закономерно, что, в конечном счете, в рамках экономической теории стали развиваться и воспроизводиться математические модели "возможных миров". Это означает, что сначала изучение реальных экономических процессов подменяется выстраиванием типической (наиболее обобщенной) "картины мира" с помощью математических средств, которые делают универсальными исходные экономические категории. Формализованная таким образом теория санкционирует поиск "скрытых сущностей" (сначала законов, а затем и вплоть до наших дней структурных отношений экономики), которые оказываются вне времени и пространства (т.е. неисторичны, географически и социокультурно нелокальны). Поэтому хороший исследователь должен отличать форму (базовые структурные компоненты) экономических процессов от их "видимости", проводя своеобразную очистку исследуемых феноменов от влияния "экзогенных", случайных факторов.

На этапе сильной формализации теории происходит замещение содержательных онтологий, и предметная онтология уже создается в основном математическими средствами (на основе их синтеза с несколькими наиболее общими категориями конкретной дисциплины). В результате, говоря о фундаментальных экономических категориях, экономист уже не может помыслить их иначе, как математически (с другой стороны, это позволяет работать с ними любому ученому из другой области, владеющему формальным аппаратом и не знакомому с экономикой). При этом исследователь не только не может помыслить, но и *представить* эти категории в рамках данной системы знания иначе как статистически и математически.

Между тем, поскольку формализация теории делает ее "онтологические обязательства" (референциальные утверждения) очевидными, то работающий с ними исследователь должен признавать их существование (хотя бы на уровне семиотики и эпистемологии). Однако - следует подчеркнуть - эти "обязательства" сформулированы в рамках "логически возможных миров", а не относительно реального мира. Обосновать реальное существование принимаемых в рамках данной семантики ("возможного мира") сущностей невозможно только на основании того, что они существуют в данном "возможном мире". Вместе с тем, по сути, это обстоятельство игнорируется, - поэтому в рамках других языковых практик, которые реализуются не в теории, а в социуме, данные категории не только универсализируются, но и неизбежно онтологизируются (то есть начинают восприниматься как обозначающие реально существующие в мире объекты). Подобную траекторию можно наблюдать в отношении большинства экономических категорий (идеализированных типических объектов) - рынок, рациональное поведение, инфляция и т.п. Ключевая проблема, которая возникает при доминировании формальных онтологий и конструировании "правдоподобных миров" заключается в их

самодостаточности, которая в случае экономического знания многократно усиливается из-за отсутствия экспериментальных практик.

5. С институциональной и социокультурной точки зрения ключевой особенностью экономического знания является существование двух относительно автономных эпистемических культур: академической, связанной с производством знания в научных учреждениях, и экспертно-административной, развивающейся в рамках функционирования систем государственного и корпоративного управления и ретранслируемой масс-медиа. Сущностной характеристикой знания, востребованного и воспроизводимого в системе госуправления, является инструментальность (возможность превращения в технологию) и установка на квантификацию и калькуляционный учет. Трактовка этого типа знания как прикладного уровня научного знания исходит от самой науки и нормативных представлений о единстве научного знания. Однако при этом игнорируется тот факт, что, встраиваясь в практики государственного управления и воспроизводясь в иной, нежели академическое сообщество среде, научное экономическое знание сращивается с распространёнными там техниками и инструментами работы, и постепенно утрачивает цели, определяемые "научным этосом", в том числе и установку на "научный реализм" (соответствие знания действительности) и истину.

Складывающееся с середины XIX в. государственное управление технократического типа, опирающееся на *знание* (прежде всего в форме различных калькуляционных практик бухгалтерского учета, статистику и квантификацию) как ключевой элемент воспроизводства всей системы управления, по-видимому, не в меньшей степени ответственно за нереалистичность и чрезмерную упрощенность экономической теории. Математизация и формализация экономической науки — это во многом результат сращивания экономического знания, производимого в научных институтах и соответствующих им научных практик, с административными структурами (государства и затем корпоративного бизнеса). Этот процесс происходил на фоне привлечения ученых к решению задач государственного управления и под влиянием потребностей госаппарата в эффективном, технологичном, но не истинном знании. Задача управления экономикой предполагала не столько ее реалистичное отображение, сколько, наоборот, с одной стороны, упрощение (в том числе и путем агрегирования), а, с другой стороны, проектирование/ конструирование объекта. Из этого закономерно вытекает развитие нормативных представлений об экономике (как должно) и затем общепринятого нормативного дискурса о том, что считать "экономическим" (в этом контексте то, "как на самом деле" устроена экономика, становится вторичным). Исходя из своей "оптики", государственное управление принципиально не "видит" нереалистичность и упрощенность экономической теории.

Онтологический разрыв с "объективной реальностью" фактически заложен в административных практиках, он формируется уже на самом начальном этапе процедур работы с объектом управления, и решающую роль здесь играет квантификация, так как она позволяет представить объект в исчисленном и измеренном виде и поместить его в иную (нежели его естественные) систему связей и отношений - в рамках различных классификаций и категоризаций. При этом сами основные инструменты анализа экономики - статистика и калькуляционные практики учета выполняют конституирующую роль, формируя особый способ понимания, представления и действия в отношении событий и процессов.

Более того, объект для управленческих практик всегда вторичен, их цель и задача в воспроизводстве субъекта управления и расширении его возможностей управлять, а это подразумевает постоянное преобразование объекта или проектирование новых. Для государственного аппарата управления и производимого им знания здесь нет проблемы,

ибо его целью не является истинное знание об объекте. Таким образом, речь идет об инженерном типе знания, ориентированном на проектирование объекта, практический результат и эффективность - получение новых технологий управления и контроля. Насколько научное экономическое знание встраивается в управление государством, настолько оно подстраивается под подобные запросы, а потому закономерно стало развиваться по пути отказа от репрезентации и объяснения экономической реальности, в пользу превращения в "ящик с инструментами".

Широко декларируемые экономистами тезисы о том, что "экономическая наука — это один из способов изучения общества с применением определенных инструментов" - аппарата математического моделирования и статистического анализа, а "не гипотезы или теории относительно экономики" это не только отказ от репрезентации в пользу универсальной (экспансивной) инструментальности. Прежде всего, подобные риторические утверждения это неявное признание того, что современное экономическое знание, производимое в академической сфере, все в большей степени становится подчинённым задачам функционирования других сфер, нежели наука, т.е. регулируется "административным" (и экспертным), а не "научным этосом". А, следовательно, развивается все в большей степени в соответствии с интересами государственного управления или делового администрирования и возможностью инкорпорации в них.

6. Развитие экономической науки по пути математизации и формализации, приведшее к замещению субстантивных онтологий формальными, также привело к изменению представлений об объективности экономического знания (как критерия оценки экономической теории). В философии науки различается онтологическая объективность (установка на репрезентацию объекта в знании) и эпистемологическая объективность (нормативный принцип, определяющий свойства познавательного акта и требующий от субъекта познания беспристрастности и отказа от субъективизма). И научное, и отчасти профессиональное (экспертное) экономическое знание - объективно исключительно с эпистемологической точки зрения, - это гарантируют такие процедуры и практики работы как формализация, квантификация и репрезентация основных результатов в математической форме. Между тем, онтологическая объективность (соответствие объекту – принцип, на котором основан научный реализм) практически утрачена в экономическом знании. Именно этот факт и порождает дискурс кризиса экономической науки в виду ее чрезвычайной абстрактности (нереалистичности) и оторванности от экономических реалий. Утрата онтологической объективности стала следствием доминирования формальных онтологий и конструктивного, проективного подхода к экономической реальности, который превалирует в административных и экспертных практиках, связанных с функционированием экономического знания. Эти практики оказывают существенное воздействие на экономическую науку, подталкивая ее к превращению в чисто инженерную дисциплину, нацеленную на создание инструментов и технологий проектирования социальной реальности.

Потребность в инкорпорации академического экономического знания в структуры государственного управления (ради практического применения) и дальнейшее его воспроизводство в принципиально чуждой научным институтам сфере приводит к существенной деформации и фактическому разрушению "научного этоса", выступающего регулятивным элементом производства научного знания. В наибольшей степени это сказывается на таких эпистемологических регулятивах как "объективность", причем это касается обеих ее ипостасей – как онтологического принципа и как эпистемологического (нормативного) принципа. Как это происходит?

Современный тип государства (власти в форме рационального управления) исторически конституируется и воспроизводится как связка "знание-власть", где знание сообщает власти возможности для формирования объекта управления и техник управления. Описывая когнитивный стиль и знания системы государственного управления, такие исследователи как социолог Дж. Скотт и статистик и историк А. Дезрозьер показывают, что упрощение и квантификация в форме статистики – основные технологии управления, которые обладают чрезвычайной привлекательностью, так как позволяют управлять и делать управляемым.²¹ Они определяют мышление и практики субъекта управления по использованию, преобразованию и проектированию управляемого.

Первоначально востребованность статистики и измерительных практик государственным аппаратом определяется строгостью, прозрачностью и универсальностью математического инструментария. Однако дальнейшая их инкорпорация в системы знания и в когнитивный стиль государства обусловлена идеальным соответствием практикам социального управления и делового администрирования, а также той важной ролью, которую такие практики стали играть в воспроизводстве бюрократии. "Научность" знания, производимого и потребляемого административными системами, не является необходимой характеристикой. Исторически "научность" непосредственно связана с "научным этосом" и с объективностью как способностью знать вещи такими, какие они есть на самом деле (реализм). В принципиально иной, нежели академическая сфера среде, коей является государственное управление, научное знание (и соответственно, "научность") приобретает совершенно иные функции. Сначала знание выступает как неотъемлемый элемент прогресса, необходимое условие перехода к современному типу государства и управления обществом и экономикой, социальной и экономической модернизации. Однако со временем научное знание становится все в большей и большей степени лишь средством легитимации, обеспечения тех или иных действий субъектов управленческой деятельности "символическим капиталом" и авторитетом науки.

Более того, государственный аппарат в значительной степени ориентирован не на научное, а на инженерное (по типу) знание, потому что ему нужны результат и инструменты управления. Всё эти функции выполняет число (количественная оценка, показатель, индикатор, рейтинг, прогноз), поэтому квантификация - основа когнитивного стиля, когнитивных структур и дискурсивных практик государства. Число позволяет работать со сложными социальными объектами, упрощая, гомогенизируя и стандартизируя их. Поскольку производство чисел в административных практиках связано с методом (техниками его получения, в пределе завязанными на субъекта управления), то количественные оценки/показатели становятся и объектами (управления), и средствами проектирования и конструирования "управляемого". Такие самодостаточные "образы-инструменты" как ВВП, инфляция, визуализируемые с помощью графиков, и объективированные с помощью сложных моделей, выполняют функции презентации себя, а не чего-то стоящего за ними (какого-то фрагмента социальной реальности).

Инженерный тип знания, доминирующий в государственном управлении, подразумевает, что "объект" будет создаваться в ходе самой управленческой деятельности. Между тем, происходящее в экономической науке постоянное расширение и усложнение формализованных техник и инструментов квантификации, а также различных способов преобразования "объектов" ведет к возможности конструировать любой новый желаемый объект. Таким образом, в отличие от науки объективность знания в управленческих практиках практически никак не связана с истинной репрезентацией объекта. Иными словами, управленческие практики не интересуют онтологическая

²¹ Скотт Дж. (2003). Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни. – М.: Университетская книга; Desrosières A. (1998). The politics of large numbers: a history of statistical reasoning. L.: Oxford University Press.

объективность знания. Между тем, это безразличие к реальному состоянию объекта ("управляемого") компенсируется перекосом в сторону повышенных требований к эпистемологической "объективности", к отсутствию каких-либо элементов субъективизма в знании, с которым работает государственный аппарат. Это решается за счет формы представления знания.

Так, ключевой эпистемологической характеристикой знания, производимого и используемого в системе государственного управления, становится требование его максимальной десубъективации. Этот регулятив схож с развитым математиками и философами-логиками научным идеалом "структурной объективности" познания, который в пределе стремится к "чистой объективности", подразумевающей полное исключение, отсутствие субъекта и его частной самости. Количественное измерение и оценка, обладая свойствами неизменности, инвариантности и формальной структурности, являются идеальными средствами исключить субъекта (его ценности и политические предпочтения). Между тем, это не означает автоматического получения "научной объективности".

Хотя "объективность" и приходит в государственный аппарат с научными практиками, однако это, прежде всего, эпистемологический регулятив, тесно связанный с "научным этосом", который принципиально не воспроизводится в системе госуправления, так как у нее совершенно иные, чем у науки и научного познания цели, задачи и практики. Поэтому по факту "объективность" начинает выполнять в государственном управлении совершенно иную функцию. Во-первых, это, как и в социальных науках, средство (технология) достижения /принуждения к консенсусу, необходимой предпосылкой которого является десубъективированное за счет квантификации и формализации знание, с которым нельзя не согласиться. Во-вторых, это "технология дистанцирования" (так говорю не я, а модель, расчеты, цифры), которая формируют новый эпистемологический регулятив – техническую, а в пределе "машинную имперсональность".

7. Экономическая наука существует обособленно лишь институционально (в университетах и иных научных институциях) и дисциплинарно (в системе образования). Между тем, когда речь идет о практиках, о режимах функционирования экономического знания в обществе крайне сложно провести четкую границу между экономической наукой и экономическим знанием, создающимся и воспроизводимым за его пределами. Современное экономическое знание это транс-эпистемическое поле, расположенное на границе между академическим миром, масс-медиа, политической сферой и бизнесом, - его функционирование во многом определяют технократическая эпистемическая культура, формируемая бюрократами и управленцами, и дискурсивное производство, за которое отвечают эксперты и СМИ. Таким образом, на современном этапе большая часть экономического знания создается, функционирует и воспроизводится за пределами академической сферы, а это, в свою очередь, отражается на эпистемической культуре *научного* экономического знания, на установке на "научный реализм", на онтологиях, которые определяют мышление ученых -экономистов и на их "научном этосе".

Современная экономическая наука – это не только научная практика, ни чистая сфера академической деятельности, ни изолированная эпистемическая культура. Это скорее, часть экономического знания, которое в свою очередь конфигурируется как транс-эпистемическое поле, расположенное на границе между академическим миром, масс-медиа, политической сферой (госуправление и международные институты развития) и бизнесом. Между этими сферами происходят обмены знанием, информацией, символическим капиталом и авторитетом, а также обращение "товаров" и символов и постоянная дискурсивная ре-артикуляция наших представлений об "экономическом". В

рамках этих обменов и реартикуляций доминирующих дискурсов об экономике формируется сеть взаимодействия и определяется место каждой из этих сфер производства и воспроизводства экономического знания в рамках подвижного целого (транс-эпистемического поля). Важную роль в этих сетях играют структуры, которые складываются вокруг институтов формирования и управления экономической политикой – различных советов при правительствах, министерств, центральных банков, экспертных центров. Их роль - проведение дискуссий, в рамках которых ученые-экономисты, которые включены в эти структуры, могут занять соответствующую экспертную позицию в отношении определенной экономической идеи и в рамках определенного экономического дискурса, сформировать единое с политиками мнение, а также получить (упрочить) свой символический капитал и авторитет. Затем элементы этих дискуссий и согласованных мнений и выработанный на их основе дискурс могут ретранслироваться по всей цепочке и воспроизводиться в СМИ, конструируя в рамках социальной реальности согласованное представление об "экономическом"²². Отсюда следуют ряд важных выводов.

Первое - ученые (экономисты) в этой сети выступают как носители "научного качества" (объективности, гарантируемой формальными инструментами) и "научной эффективности", но не как носители истины или каких-то теоретических гипотез (знания об объекте). В трансэпистемическом поле экономического знания любое неинструментальное (описательное, историческое, теоретическое) знание из академической сферы, то есть знание нацеленное на глубокое понимание и объяснение объекта не может стать ресурсом и работать на формирование "академического капитала". Иначе говоря, потребляется только та часть академического знания, которая может быть операционализирована, стать элементом авторитетного доминирующего дискурса об "экономическом" (например, "технологический уклад", инновации, "человеческий капитал"), либо служить технологией управления и работы с объектом управления (модели, расчеты, новые показатели и индикаторы и т.п.). В этом смысле значение имеет именно метод, инструменты, которыми экономическая наука владеет (и развивает) и которые обещают эффективность/результативность. Кроме того, знание, представляемое в форме расчётов, математических моделей, графиков, а также принципиально "технологичное" знание (в качестве базового технического средства выступают статистика и эконометрика) имеют в современном обществе и в рамках сложившейся теоретической культуры наиболее высокий уровень доверия. Вместе с тем, в него легче инкорпорировать оценки и субъективные суждения (это происходит при отборе материала, выборе проблем и главное, в ходе интерпретации). Однако инкорпорированные в модели и расчёты такие оценочные суждения как бы десубъективируются (лишаются субъективизма и пристрастности).

Второй важный вывод, вытекающий из представления об экономической науке как части транс-эпистемического поля экономического знания, это то, что современное экономическое знание в значительной степени производится, воспроизводится и функционирует за пределами академического сообщества в рамках многочисленных профессиональных экономических практик (экономисты повсюду – в правительствах, в корпорациях и компаниях, банках, международных организациях, фондах, аналитических и экспертных центрах, СМИ итд, итп). Причем за счет нарастающих процессов глобализации экономической профессии эта тенденция усиливается. Такой особый характер современного этапа функционирования экономического знания означает, что, с одной стороны, оно все в большей степени подчиняется закономерностям развития других социальных сфер, нежели наука и образование, следовательно, классический "научный этос", регулировавший, что считать легитимным, ценным, достоверным знанием утрачивает свое значение. С другой стороны, это позволяет различным элементам теорий и техникам, созданным экономической наукой и учеными экономистами встраиваться в

²² Maesse J. (2016). The power of myth. The dialectics between 'elitism' and 'academism' in economic expert discourse // European Journal of Cross-Cultural Competence and Management, Vol. 4, No. 1. - P. 3 - 20.

реальные экономические процессы и становятся частью своеобразного "оборудования", "которым экономические агенты и обычные граждане пользуются в своих повседневных экономических взаимодействиях".²³

В-третьих, в контексте глобализации экономической профессии и унификации по всему миру стандартов обучения экономике экономическое знание становится частью "управляющей рациональности", с помощью которой все "экономизируется" (ищет экономическую выгоду и постоянно стремится улучшить свои экономические показатели). "Экономизация" существования (и превращение экономического знания по сути в науку о жизни) подразумевает повсеместное распространение квантифицирующих и калькулирующих практик, - они, в свою очередь, становятся и инструментом государственного и надгосударственного управления, и основным ресурсом корпоративного и делового администрирования, и ключевым средством репрезентирующим экономику в масс-медиа (так, ВВП становится "числом-иконой" экономики). В транс-эпистемическом поле экономического знания познание экономических процессов, подразумевающих их углубленное исследование и объективную репрезентацию (как того требует классический научный реализм и "научный этос", ориентирующих ученых на поиск истины), замещается мышлением с помощью инструментов и итоговых показателей (как посчитать, увеличить, уменьшить тот или иной показатель, сколько стоит тот или иной курс действий, какова финансовая отдача от инвестиций и тп). Многочисленные показатели и индикаторы становятся и средствами управления и проектирования объекта, называемого "экономика", и самореференциальными онтологизированными объектами (ВВП, инфляцию).

8. В экономическом знании, функционирующем как транс-эпистемическое поле, ключевой фигурой является не ученый (функционирующий исключительно в академической сфере и нацеленный на воспроизводство научного знания), а эксперт (зачастую профессиональный экономист, имеющий научную степень, или ученый, выступающий в роли эксперта и занятый производством экономического знания за пределами академической сферы). Именно эксперты на современном этапе развития экономического знания определяют, что и как считать "экономическим", как говорить об "экономике" и тп, так как они активно включены в воспроизводство систем власти, госуправления, бизнеса и СМИ. Так, эксперты международных институтов развития (МВФ, ОЭСР, Всемирный банк и тд) втискивают функционирование национальных экономик в модели и систему показателей, которые должны контролировать и легитимировать реформы, в свою очередь, ведущие к расширению юрисдикции экономической профессии и экспертного знания. Глобализация экономической профессии, которая происходит за счет стремительно нарастающей экономизации социального пространства, превращения многочисленных социальных сфер в экономические (например, образование, культура, здравоохранение, спорт и т.п.), способствует возникновению своеобразной монополии экспертов на экономическое знание. Это возможно постольку и поскольку экономическое знание приобретает перформативные функции, т.е. само по себе начинает выступать значительным инструментом конструирования и преобразования социальной реальности, дизайна и переформатирования рынков, рационализации поведения экономических агентов (примером, может служить цифровая экономика).

Несмотря на то, что основным источником и ресурсом экспертного знания является наука, воспроизводство экспертов не связано с научным производством и в большей степени ориентировано на предоставление профессионального интеллектуального

²³ Фуркад М., Ольон Э., Альган Я. (2015). Превосходство экономистов // Вопросы экономики, №7. - С. 45-72.

сервиса. По этой причине эксперт должен демонстрировать не столько знания, сколько владение технологиями и умение формировать особое (необходимое в данном случае) мнение на их основе, а также знать, какое знание ценится (в том числе, и с какой стороны его подать, чтобы оно было оценено). В конечном счете, это дает ему право решать, какими знаниями нужно обладать, а какими не стоит, что необходимо знать (а необходимо знать именно то, что сообщает эксперт), а также, что признавать знанием, а что не считать таковым. Знание, лишённое этих свойств, несет на себе печать недоверности и необязательности.

Одной из наиболее важных характеристик экспертного знания является навык инкорпорирования оценочных суждений в само знание, что отнюдь не сводится к редуцированию знания до мнения, оценки, потому что необходимым условием такого умения выступает инструменталистская позиция, возможность технологизировать знание (так показывают расчеты, модель, опросы). Между тем, в эпистемологическом плане экспертное знание в общественных науках фактически легитимирует недопустимое с точки зрения классического "научного этоса" субъективное оценочное суждение. В общественных науках и так уже содержится ценностное понимание действительности, которое предопределяет и выбор проблем исследователем, и способ образования теории как таковой (например, фокус на экономическом росте в качестве ключевой цели экономического анализа является результатом ценностных суждений, а не научных доказательств). Однако в экспертном знании эти исходно ценностные позиции уже носят мировоззренческий характер и определяются в большинстве случаев не предпочтениями экспертов, а потребителями их продукта или институциями, в которых они производят свои знания. При этом, если в государственном управлении, международных институтах развития и бизнесе субъективизм вуалируется процедурами квантификации и формализации, то в масс-медиа на передний план выдвигается авторитет эксперта, который однако связан не столько с его компетенцией, сколько с имеющимся у него символическим капиталом и регалиями, источником которых может быть и положение в научной среде.

В современном мире экономическое экспертное знание постепенно становится доминирующей формой функционирования научного знания в обществе и в публичном пространстве, а эксперты-экономисты все больше включаются в воспроизводство других общественных систем как их необходимый элемент. Этот процесс усиливается под влиянием процесса глобализации экономической профессии. Международная циркуляция капитала, инвестиции транснациональных корпораций в разных странах и формирование мировой повестки международными институтами развития сопровождаются экспансией экономистов-экспертов, которые приносят с собой свое видение реальности, нормы, концепты, язык, инструментарий и начинают активно участвовать в проектировании экономической среды по всему миру.²⁴ В результате институциализируется новая форма власти и влияния – эконократия, которая подразумевает преобразование всех социальных сфер и управление ими на основе экономических приоритетов и стандартизированных экономических знаний, которыми владеют эксперты, так как любая проблема формулируется как экономическая, квантифицируется и переводится на технический экономический язык.²⁵ Параллельно с этим возрастает ценность всего того, что поддается измерению, за счет того, что не поддается измерению, - это, в конечном счете, усиливает эффект экономизации социального пространства и перформативное воздействие экономического знания. Последнее становится активным компонентом экономики и в качестве такого начинает преобладать как система производства реальности. Вместе с тем, в самом экономическом знании (и среди экспертов, и в академической среде, и в системе

²⁴ Fourcade M. (2006). The construction of a global profession: The transnationalization of economics // *American Journal of Sociology*, Vol. 112, No. 1. - P. 145 — 194.

²⁵ Earle J., Moran C., Perkins Z.W. (2018). *The Econocracy: On the Perils of Leaving Economics to the Experts*. - Penguin.

образования) возникает эффект "схоластического эпистемоцентризма" (П. Бурдье), то есть "приписывание объекту того, что на самом деле *принадлежит способу его рассмотрения*". Это возвращает нас к центральному вопросу, который резко актуализировал кризис 2008-2009 гг. - соответствуют ли знания экономистов той социальной реальности, которую они, как считается, стремятся постичь и беспокоит (и в принципе может ли беспокоить) экспертную эконократию то, что такого соответствия может не быть? Ответ на этот вопрос, в свою очередь, отсылает к двум другим вопросам: может ли (и за счет чего и насколько) экономическая наука (ученые-экономисты) изменить сложившийся в дисциплине образ мышления и "картину реальности", а также желательна ли экономическая колонизация человеческого мышления, поведения и жизни?

9. Важное следствие, которое вытекает из транс-эпистемического положения экономического знания, сдвига самой экономической науки в сугубо инструментальную практическую ориентацию и символической власти экспертов в сфере производства представлений об "экономическом", – это замещение научных теорий (в экономической науке они маргинализируются или даже становятся не нужны и приравниваются к моделям) дискурсивными практиками. Последние формируются в транс-эпистемическом поле экономического знания на пересечении между академическим миром, масс-медиа, политической сферой и бизнесом.

Фундаментальным отличием научной теории от дискурса является наличие в ней гипотез, которые можно и нужно опровергать или доказывать, а также то, что в ней не может существовать противоречащих утверждений, это будет разрушать теорию. Однако в дискурсе эти проблемы принципиально снимаются, и он может успешно воспроизводить и транслировать определенные нарративы (истории), ведь дискурсивные структуры являются ценностными (а ценность – это желание должного, как должно быть). Таким образом, дискурсы могут объединять в себя одновременно и факты, и нормативные утверждения, не делая между ними различий. Кроме того, в отличие от теории дискурс может обеспечить связность самых разнородных компонентов знания, информации и практик из различных сфер. За счет этого создаются обширные гетерогенные сети экономического знания, обеспечивающие привлечение символического капитала, рекрутирование сторонников и условия для коммуникации внутри и вне сообщества (что позволяет тому или иному дискурсу стать авторитетным, т.е. доминирующим). Так, к примеру, дискурс о государстве в мейнстриме экономической науки объединяет три противоречивых нарратива, два из которых также содержат амбивалентные тезисы: 1) государство – равноправный участник рынка и производитель специфических благ, но неэффективный, 2) государство – воплощение "общественного договора", арбитр, отвечающий за соблюдение правил на рынке, но потенциально коррумпированный, следовательно, необходимы институциональные реформы, которые обеспечат экономический рост. И, наконец, 3) государство – ключевой актор макроэкономики, действующий посредством стимулов и санкций и регулирующий основные показатели функционирования экономики.

Поскольку дискурс позволяет совмещать противоречащие друг другу компоненты, его истинность ("объективность") конституируется технологическими средствами (квантификация и формализация) и "символическим капиталом" экспертов, задача которых легитимировать/ делигитимировать определенные типы высказываний. В пределе доминирующий дискурс стремится к полному вытеснению альтернативных конкурирующих дискурсов. Примером подобного рода как раз является дискурс математизации экономического знания, подразумевающий вынесение субъекта познания за пределы социальной реальности, – он не зависим от ценностей, материальных интересов и не ангажирован, поэтому неформализованное знание или ущербно или не

валидно (не может претендовать на научность /объективность, так как по определению субъективно).

Вместе с тем, как и теория, дискурс выполняет консолидирующую функцию в профессиональном сообществе (рекрутирует сторонников). Это способ обсуждения, позволяющий формировать и сообщество, и общую повестку, - что можно обсуждать и как можно это обсуждать. Однако авторитет, на котором держатся дискурс и научная теория различаются. В отличие от научной теории дискурс не обязан обладать эвристическим потенциалом, а его воспроизводство и экспансия не связаны с научными и учебными практиками, поэтому он не зависим от критики (будь то принцип фальсификации К. Поппера или "организованный скептицизм" "научного этоса" Р. Мертона).

10. Доминирующий ныне среди большинства экономистов и методологов экономической науки дискурс о том, что теории не важны и модели, по сути, и есть частные теоретические кейсы, а с другой стороны, утверждения, что модели – это сугубо инструменты, которые не содержат гипотез о реальных экономических процессах, принципиально игнорирует вопрос о том, а на основе чего интерпретируются модели? Где находится контекст их обоснования? Вместе тем, комплементарное к такому инструменталистскому подходу сравнение экономистами моделей с баснями и "вдохновляющими историями" (А. Рубинштейн, Д. Родрик, Э. Лимер), ставшее также трендом в методологии экономической науки, неявно намекает, что содержание у даже самых формализованных моделей есть и устойчиво воспроизводится.

Фундаментальный вопрос об отношениях модели и теории (предпосылок) или, иначе говоря, об отношениях между формальной онтологией и дискурсивной онтологией, привязывающей формальную онтологию к какой-то конкретной предметной сфере (в данном случае экономике), определяется тем фактом, что любое утверждение получает значение только в рамках какой-то теоретической схемы (и/ или системы представлений), интерпретационного контекста. Иными словами, неинтерпретируемое знание не является знанием.

Поэтому вопрос об отношении модели (инструментов экономического анализа) и теории необходимо ставить одновременно конкретнее и шире, а именно, на что опираются модели - на теории, только теории или на нечто иное, нежели теории (особенно если они маргинализируются или вовсе вытесняются из дисциплины)? В таком случае правомерен вопрос, в какой слой знания - и шире наших представлений о мире - вписаны модели, откуда они черпают свои ключевые предпосылки и, исходя из чего, интерпретируются? И, наконец, где существует этот "контекст обоснования" моделей? Р. Сагден отмечает, что в экономических моделях часто отсутствуют конкретные указания относительно того, где они применимы, таким образом, индуктивный вывод из моделей зависит от субъективных суждений о предполагаемом сходстве модели с чем-то в реальности, при этом он не может быть сформулирован на математическом или логическом языке.²⁶

Действительно, как бы экономическое знание не сводилось к математическим моделям, чтобы обладать экономическим смыслом, они должны иметь содержательные предпосылки, привязывающие модель именно к экономической реальности (не просто кривая, а кривая спроса) и интерпретацию, позволяющую придать результатам соответствующую практическую значимость. Это подразумевает языковые средства, которые не являются нейтральными (объективными) и существуют в рамках культуры. При этом языковые средства всегда ценностно нагружены и детерминированы социальными и институциональными условиями, в рамках которых воспроизводятся. В

²⁶ Sugden R. (2009). Credible Worlds, Capacities, and Mechanisms // Erkenntnis, Vol. 70, No. 1. – Pp. 3–27, p.4.

этом смысле модели также представляют собой социальные, лингвистические и риторические феномены, они могут и должны рассматриваться как "системы убеждений, в которые люди верят, и на основе которых они действуют".²⁷ При этом при сложившихся в экономической науке практиках производства знания, где доминируют формальные онтологии, а субстантивные онтологии вытесняются, в том числе благодаря культуре "эпистемологической объективности", которую обеспечивают ультраформализация и математический аппарат, содержательную (интерпретативную) онтологическую функцию начинает выполнять дискурс. Такие дискурсы формируются и реартикулируются не в академической среде, а в транс-эпистемическом поле экономического знания (одним из элементов которого является академическая среда), - поэтому можно говорить о восполнении формальных онтологий дискурсивными взамен научных (теоретических) субстантивных онтологий. Формируемые в рамках дискурсов нарративы являются частично констатирующими (то есть опирающимися на те или иные факты), но в значительной степени они носят нормативный (предписывающий) и перформативный (конструирующий) характер. Примерами могут служить дискурс модернизации, дискурс цифровой экономики, дискурс институциональных реформ, зеленой экономики, догоняющего развития и т.п. При этом эксперты (в том числе выступающие в такой роли ученые), которые являются основными субъектами транс-эпистемического поля экономического знания, выполняют в отношении дискурсов, прежде всего, легитимирующую и перформативную функции.

Анализ сложившегося дискурсивного производства в экономическом знании, функционирующем как транс-эпистемическое поле, показывает, что можно выделить две основные стратегии, в рамках которых работает экономическая наука: 1) достраивание научной онтологии, которое подразумевает частичное сопряжение с формальной онтологией моделей и интерпретацию средствами экспертного дискурса (рассматривается на примере анализа серии интервью представителей чикагской школы по поводу кризиса 2008-2009 гг.); 2) конструирование дискурса экспертами и его инкорпорация в научное знание с последующей взаимной реартикуляцией между научным и экспертным знанием (примерами могут служить дискурс "технологических укладов", цифровой экономики, зеленой экономики и тп).

III. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Считать ли возобладавшую после мирового финансово-экономического кризиса 2007-2009 гг. стратегию оправдания чрезмерной абстрактности (нереалистичности) моделей и засилья формализма в экономической науке на основе признания того факта, что она занимается развитием метода и инструментов социального познания, а не изучает экономическую реальность, кризисом? Или это свидетельство дальнейшего прогресса экономического знания (пусть и "горизонтального прогресса"). Представляется, что ответ на этот вопрос лежит, во-первых, в рамках нашего понимания траектории развития современного экономического знания в целом как эпистемологической системы и как конгломерата важных социальных институтов (как научных, так и находящихся за пределами науки в других социальных сферах). Во-вторых, ключевое значение имеет ответ на вопрос, чем является современная экономическая наука по сути (т.е. как социальный институт), что является важными элементами ее воспроизводства и ее позиции в социальном пространстве и, с другой стороны, как мы определяем ее предмет и цели, в чем видим пользу для общества? Принятие того факта, что экономическая наука – это моделирование, производство инструментов и горизонтальный прогресс (также

²⁷ Samuels W.J. (1991). "Truth" and "Discourse" in the Social Construction of Economic Reality // Journal of Post Keynesian Economics, Vol. 13, No. 4. – P. 511–524.

подразумевающее экспансию в другие области знания) подразумевает, что у нее большие перспективы.

Такой выраженный "инструменталистский крен", окончательно превращающий экономическую науку в по сути инженерную дисциплину, подразумевает, что ее основной задачей является что-то производить, причем технически ориентированное, то есть то, что потом можно будет применить для работы с реальностью по пути ее преобразования, конструирования и создания чего-то нового или требуемого (показателей, рынков, форм поведения экономических агентов, финансовых инструментов и т.п.). Производство все новых и новых моделей ("горизонтальный прогресс" экономического знания с целью создания универсальной библиотеки кейсов "на все случаи жизни", а не только для экономики) вполне отвечает этим целям, ведь в результате такого процесса может быть создана какая-то особо эффективная технология (техника, инструмент). Это особенно востребовано на фоне глобализации профессионального экономического знания, стандартизации, унификации и универсализации за счет этого понимания экономической действительности, а также на фоне процессов экономизации (маркетизации) социальной действительности и всех сфер жизни общества.

В этом контексте моделирование экономики в знании становится почти неотделимым от действий по ее порождению. Инженерная инструментализированная экономическая теория призвана *порождать "экономическое", а не определять и описывать, что это такое*. Есть и мотивирующие примеры, - создание на основе ряда финансовых моделей принципиально новых объектов - рынков фьючерсов, опционов и других производных финансовых инструментов, которые позволяют получить реальные деньги.²⁸

Кроме того, уход экономистов из сферы своей непосредственной ответственности на основе кардинального сдвига в понимании предмета в сторону рационального поведения (выбора), причем не реального, а максимально абстрактно-универсального (то есть, как оно задается формальной онтологией) и существующего в математической репрезентации, которое затем (как и положено универсалии) обнаруживается повсеместно - у людей, животных и даже в нейромозговой активности, - также дает дисциплине широкие возможности для экспансивного развития и превращения в доминирующий тип знания о "социальном". Это не только предоставляет возможности для успешного движения в другие науки, утверждение там соответствующего когнитивного стиля и работы с материалом посредством универсального, точного, объективного и вызывающего абсолютное доверие формального метода, но и создание в этих других науках и на стыке с ними новых дисциплин, как например, нейроэкономики.

"Инструменталистский крен" и "горизонтальный прогресс" в развитии экономической науки по сути означает превращение экономистов в своего рода социальных инженеров (технологов). Однако инженерная самость (субъект знания) – это не научная самость (субъект познания), потому что исходно целью ученых не является создание инструментов и искусственных объектов. Однако развитие дисциплины по этому пути позволяет экономистам вписаться в происходящую ныне трансформацию научного знания, которое под воздействием капитализации научного производства, подразумевает превращение науки исключительно в источник создания технологических инноваций (а не истинного знания о Природе, мире и человеке).

Однако возникает закономерный вопрос, а кто же, какая наука (или может иная социальная сфера по производству знания) будет изучать собственно экономику? Ведь, в конечном счете, "инструментальная экономическая наука" будет производить свои модели для кого-то, и не только для других наук, для других социальных сфер, но и для тех, кто будет заниматься самой экономикой. В глобализованном мире, по-видимому, большая часть функций по производству знания о макроэкономических процессах постепенно

²⁸ MacKenzie D. (2006). An engine, not a camera: How financial models shape markets. - MIT Press.

будет делегирована наукой крупным аналитическим и экспертным центрам и международным институтам глобального управления, которые постепенно консолидируют управленческие функции в мировом масштабе вокруг решения т.н. глобальных вызовов. Это позволяет им взять на себя роль институтов координирующих общий вектор развития мировой экономики и ее цели (цифровизация, зеленая экономика, борьба с климатическими изменениями, бедностью, капитализм стейкхолдеров и т.д). На современном этапе именно международные институты развития уже генерируют и далее, по-видимому, в еще большей степени будут генерировать дискурсивные онтологии относительно "экономического", а также вырабатывать общие рекомендации по экономической, модернизационной и технической политике. В свою очередь, глобальные и локальные медиа и некоторые другие общественные институты, а также крупные "переговорные площадки" (G-20, Экономический форум в Давосе, климатические саммиты ООН и т.п.) будут способствовать их распространению, ретрансляции и укоренению в качестве общей "экономической картины мира" (субстантивной онтологии, лежащей за сугубо инструментальным экономическим знанием).

Таким образом, можно сказать, что на современном этапе экономическая наука становится все более прагматически и технологически ориентированной, все в большей степени поглощается экономической профессией и связанным с ней экспертным экономическим знанием. Большая часть этого знания производится за пределами академической сферы и циркулирует в транс-эпистемическом поле на стыке институтов власти, глобального управления, научных институтов, бизнеса и масс-медиа. Это знание по большей части не нуждается в объективной (научной) теории и репрезентации экономических процессов, - напротив, оно стремится их создавать, преобразовывать и унифицировать, а также осваивать за счет инструментов экономизации все большие сферы социального. Иными словами, экономическое знание следует рассматривать не только как знание об "экономическом", но как важную силу, участвующую в движении границ экономического.²⁹ В такой перспективе экономическая наука становится ресурсом по разработке и поставке инструментов, и это, как мы можем видеть, отражается и в текущем развитии дисциплины (эмпирический поворот, "революция достоверности", "эконометриковереие"³⁰), и в системе образования (вытеснение и замещение экономических факультетов бизнес-школами, а также резкое снижение внимания к теории и повышение роли обучения на кейсах³¹).

IV. СПИСОК РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Монографии

1. Кошовец, О.Б. Экономика как искусство. Методологические вопросы применения экономической теории в прикладных социально-экономических исследованиях (Эксперт и воспроизводство научного знания): монография / О.Б. Кошовец; под редакцией О.И. Ананьин. – М.: Наука, 2008. - С. 210-249. ISBN: 978-5-02-035404-3.
2. Кошовец О.Б. Анализ управления и контроля бюджетными ресурсами в условиях финансово-экономического кризиса: зарубежный опыт и уроки для России: монография / И.Э. Фролов, В.А. Ципко, О.Б. Кошовец, Н.А. Ганичев. – М.: Изд. Государственного научно-исследовательского института системного анализа Счетной палаты РФ, 2011. - 375 с.

²⁹ Юдин Г.Б. (2011). Теоретические основания исследования экономического знания // Экономическая социология. Т. 12. № 4. – С. 13-32, с.17.

³⁰ Капельюшников Р.И. (2018). О современном состоянии экономической науки: полусоциологические наблюдения // Куда движется современная экономическая наука? – М.: Институт экономики РАН. – С. 8-33.

³¹ Stock W.A., Siegfried J.J. (2014). Fifteen Years of Research on Graduate Education in Economics: What Have we Learned? // The Journal of Economic Education, Vol. 45, No. 4. - Pp. 287–303.

3. Кошовец, О.Б. Предпосылки экономической теории: критический анализ (Что мысленные эксперименты и модели говорят нам об экономической реальности): монография / О.Б. Кошовец; под ред. А.Я. Рубинштейна, Р.М. Нуреева – СПб: Алетейя, 2017. – С. 65-95. – ISBN: 978-5-906980-21-2.

Статьи в международных наукометрических базах «Web of Science» и «Scopus».

4. Кошовец, О.Б. Особенности экспертного знания в России (на примере становления российского форсайта) / О.Б. Кошовец // Вопросы экономики. - 2007. - № 11. С. 25-43. - ISSN: 0042-8736. - DOI: 10.32609/0042-8736-2007-11-25-43. – URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2007-11-25-43> (дата обращения 20.08.2021)
5. Кошовец, О.Б. Эпистемологический статус моделей и мысленных экспериментов в экономической теории / О.Б. Кошовец, Т.А. Вархотов // Вопросы экономики. - 2015. - № 2. - С. 123-140. - ISSN: 0042-8736. - DOI: 10.32609/0042-8736-2015-2-123-140. – URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2015-2-123-140> (дата обращения 20.08.2021).
6. Кошовец, О.Б. Experiments without concrete. The case of economics (Эксперименты без материи: модели в теоретической экономике) / О.В. Koshovets, Т.А. Varkhotov // Эпистемология и философия науки. - 2016. - Т. 49. № 3. - С. 124-139. - ISSN: 1811-833X. - DOI:10.5840/eps201649355. – URL: <https://doi.org/10.5840/eps201649355> (дата обращения 20.08.2021).
7. Кошовец, О.Б. Производство знания о знании: от потребности в "нормирующем законодательстве" к междисциплинарному обмену и конкуренции / О.Б. Кошовец // Эпистемология и философия науки. - 2017. - Т. 52. № 2. - С. 40-46. - ISSN: 1811-833X. - DOI: 10.5840/eps201752227. – URL: <https://doi.org/10.5840/eps201752227> (дата обращения 20.08.2021).
8. Koshovets, O.V. Neuroeconomics: new heart for economics or new face of economic imperialism? (Нейроэкономика: новое сердце экономической теории или новое лицо экономического империализма?) / О.В. Koshovets, Т.А. Varkhotov // Journal of Institutional Studies. - 2019. - Vol. 11. No. 1. - С. 6-19. - ISSN: 2076-6297. - DOI: 10.17835/2076-6297.2019.11.1.006-019. URL: <http://hjournal.ru/en/journals/journal-of-institutional-studies/2019/212-no-1/1808-neuroeconomics-new-heart-for-economics-or-new-face-of-economic-imperialism.html> (дата обращения 20.08.2021).
9. Koshovets, O.V. Making progress horizontally: Current practices of economic knowledge production (Продвижение по горизонтали: современные практики производства экономических знаний) / О.В. Koshovets // Social Sciences. - 2019. – Vol. 50(3). – P. 58–74. ISBN: 01345486. - DOI: 10.21146/0134-5486-2019-50-3-58-74. URL: <https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-85078076153&origin=resultslist> (дата обращения 20.08.2021).
10. Кошовец, О.Б. «Прекрасный новый мир»: о трансформации науки в технонауку / О.Б. Кошовец, И.Э. Фролов // Эпистемология и философия науки. - 2020. - Т. 57. № 1. - С. 20-31. - ISSN: 1811-833X. - DOI: 10.5840/eps20205712. – URL: <https://doi.org/10.5840/eps20205712> (дата обращения 20.08.2021).
11. Кошовец, О.Б. Наука в опасности или (техно)наука становится опасной? / О.Б. Кошовец, И.Э. Фролов // Эпистемология и философия науки. - 2020. - Т. 57. № 1. - С. 51-58. - ISSN: 1811-833X. - DOI: 10.5840/eps20205716. – URL: <https://doi.org/10.5840/eps20205716> (дата обращения 20.08.2021).
12. Кошовец, О.Б. Натурализация предмета экономики: от погони за естественно-научными стандартами к обладанию законами природы / О.Б. Кошовец, Т.А. Вархотов // Логос. - 2020. - Т. 30. № 3 (136) - С. 21-54. - ISSN: 0869-5377. - DOI: 10.22394/0869-5377-2020-3-21-50. – URL:

- https://logosjournal.ru/arch/113/Logos%203-2020_Press-27-60.pdf (дата обращения 20.08.2021).
13. Кошовец О.Б. Измерять и править: как наука и государство производят экономические знания / О.Б. Кошовец // Terra Economicus. - 2021. – Т.9 №3 – С. 6–31. - DOI: 10.18522/2073-6606-2021-19-3-6-19 – URL: <https://te.sfedu.ru/evjur/data/2021/3/koshovec.pdf> (дата обращения 20.10.2021)
 14. Кошовец, О.Б. Экономическое знание и власть: от научной объективности к технологиям имперсональности и социальному конструированию / О.Б. Кошовец // Эпистемология и философия науки. – 2022. - №1 С. 170-188. DOI: 10.5840/eps202259113 URL: <https://doi.org/10.5840/eps202259113> (дата обращения 20.05.2022)
 15. Кошовец О.Б. Конкурирующие проекты социализма в СССР периода политического романтизма. Часть I. Политэкономия социализма: проект или симулякр? / П.А. Ореховский, Т.А. Вархотов, О.Б. Кошовец // Вопросы философии. – 2022. №3. - С.154-166. DOI: 10.21146/0042-8744-2022-3-154-166 - URL: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2022-3-154-166> (дата обращения 28.05.2022)
 16. Кошовец О.Б. Конкурирующие проекты социализма в СССР периода политического романтизма. Часть II. Социализм без экономики: конструктивизм и антиутопия / П.А. Ореховский, Т.А. Вархотов, О.Б. Кошовец // Вопросы философии. – 2022. №4. - С. 140-152. DOI: 10.21146/0042-8744-2022-4-140-152 – URL: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2022-4-140-152> (дата обращения 28.05.2022).

Статьи в рецензируемых научных изданиях, определённых ВАК при Минобрнауки России.

17. Кошовец, О.Б. О системе взаимодействия высшей школы, академической и прикладной экономической науки / О.Б. Кошовец, И.Э. Фролов // Экономическая наука современной России. - 2008. - № S1. С. 135-137. - ISSN: 1609-1442.
18. Кошовец, О.Б. Базовые концептуальные конструкции и мысленные эксперименты в экономической теории / О.Б. Кошовец, Т.А. Вархотов // Общество и экономика. - 2014. - № 4. - С. 25-41. - ISSN: 0207-3676.
19. Кошовец, О.Б. Почему господствующая экономическая теория прозевала кризис: о роли онтологических барьеров / О.Б. Кошовец // Вестник Института экономики Российской академии наук. - 2017. - № 3. - С. 18-34. - ISSN: 2073-6487.
20. Кошовец, О.Б. Структуралистская революция и метаморфозы экономической теории: от науки к сказке / О.Б. Кошовец, П.А. Ореховский // Общественные науки и современность. - 2018. - № 5. - С. 143-157. - ISSN: 0869-0499.
21. Кошовец, О.Б. Дискурс "экономики" против дискурса "экономической системы": от осмысления реальности к производству смыслов / О.Б. Кошовец, П.А. Ореховский // Общественные науки и современность. - 2018. - № 6. - С. 133-148. - ISSN: 0869-0499.
22. Кошовец, О.Б. Глобальная цифровая трансформация и ее цели: декларации, реальность и новый механизм роста / О.Б. Кошовец, Н.А. Ганичев // Экономическая наука современной России. - 2018. - № 4 (83). - С. 126-143. - ISSN: 1609-1442.
23. Кошовец, О.Б. Куда движется современная экономическая наука: горизонтальный прогресс, превосходство метода и замещение теории дискурсом / О.Б. Кошовец // Общественные науки и современность. - 2019. - № 5. - С. 175-190. - ISSN: 0869-0499. - DOI: 10.31857/S086904990006636-1. - URL: <https://ras.jes.su/ons/s086904990006636-1-1> (дата обращения 20.08.2021).
24. Кошовец, О.Б. Как посчитать цифровую экономику: между реальностью и конструкцией / О.Б. Кошовец, Н.А. Ганичев // ЭКО. - 2020. - № 2 (548). - С. 8-36. -

- ISSN: 0131-7652. - DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-2-8-36. - URL: <https://ecotrends.ru/index.php/eco/article/view/3970> (дата обращения 20.08.2021).
25. Кошовец О.Б. Экономический агент в ваших мозгах: нейроэкономический дискурс и границы рационального / О.Б. Кошовец // Вопросы теоретической экономики. – 2022. №2. – С. 7-21. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_2_7_21 – URL: http://questionset.ru/files/arch/2022/2022-N2/Koshovets_VTE_2022_2.pdf (дата обращения 29.05.2022).

Статьи в других научных изданиях

26. Кошовец, О.Б. Культура не имеет значения: методологические проблемы теорий модернизации и социально-экономического прогресса // Философские проблемы экономической науки. Сборник научных трудов под ред. О.И. Ананьина. – Москва: Институт экономики РАН, 2009. - С. 135-167. ISBN: 978-5-9940-0116-5.
27. Кошовец, О.Б. Дисциплинарное воспроизводство экономического знания : научный доклад / О.Б. Кошовец. – Москва: Институт экономики РАН, 2010. – 48 с. - ISBN: 978-5-9940-0208-7.
28. Кошовец, О.Б. Онтология и реальность: проблемы их соотношения в методологии экономической науки и возможность построения научно-реализуемой онтологии / О.Б. Кошовец, И.Э. Фролов // Теоретическая экономика: онтологии и этика. Сборник научных трудов под редакцией О.И. Ананьина. – Москва: Институт экономики РАН, 2013. - С. 27-111. ISBN: 978-5-9940-0392-3.
29. Кошовец, О.Б. Базовые предпосылки современной экономической теории (economics) и их критика: коллективный доклад (брошюра) / Р.М. Нуреев, С.Г. Кирдина, О.Б. Кошовец, А.М. Либман, Ю.Я. Ольсевич, А.Я. Рубинштейн А.Я. – Москва: Институт экономики РАН, 2013. – 31 с.
30. Кошовец, О.Б. Онтологический анализ отношения теории и реальности в методологии экономической науки / О.Б. Кошовец, И.Э. Фролов, А.В. Чусов // Философия и общество. - 2015. - № 1-2 (76). - С. 156-176. - ISSN: 1681-4339.
31. Кошовец, О.Б. "Экономика" против "экономической системы": структуралистский анализ: Научный доклад / О.Б. Кошовец, П.А. Ореховский. – Москва: Институт экономики РАН, 2018. – 48 с. - ISBN: 978-5-9940-0621-4.
32. Кошовец, О.Б. "Горизонтальный прогресс" экономической науки: между конструируемой реальностью и технаукой: научный доклад / О.Б. Кошовец. – Москва: Институт экономики РАН, 2019. – 47 с. - ISBN: 978-5-9940-0644-3.